Елецъ.

Русская эскадра

во Франціи.

Его Высокопревосходительству
Барону Артуру Павловичу
Моренгейму.

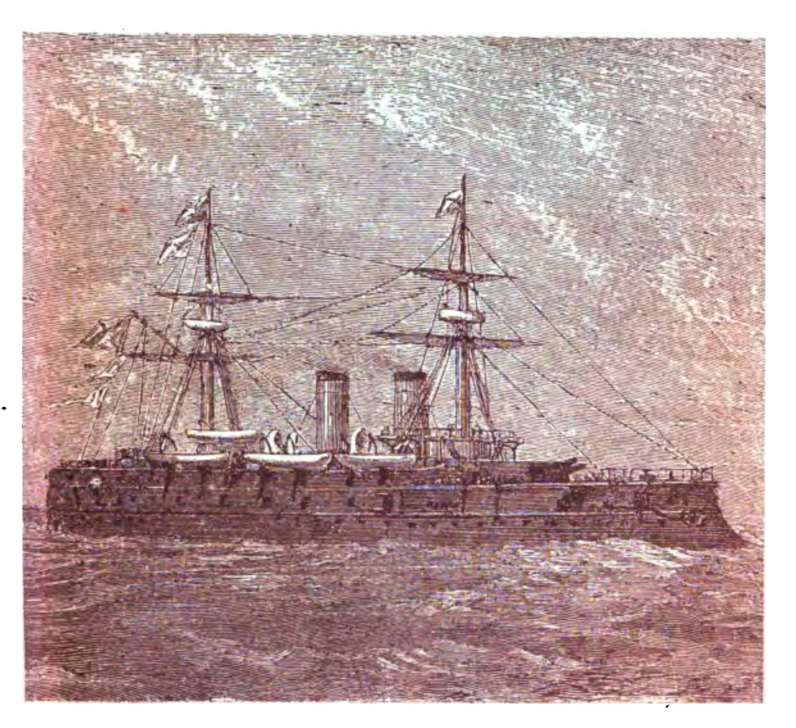
Дань глубокого уваженія
отъ искренно признательнаго
автора

Ю. Ельца

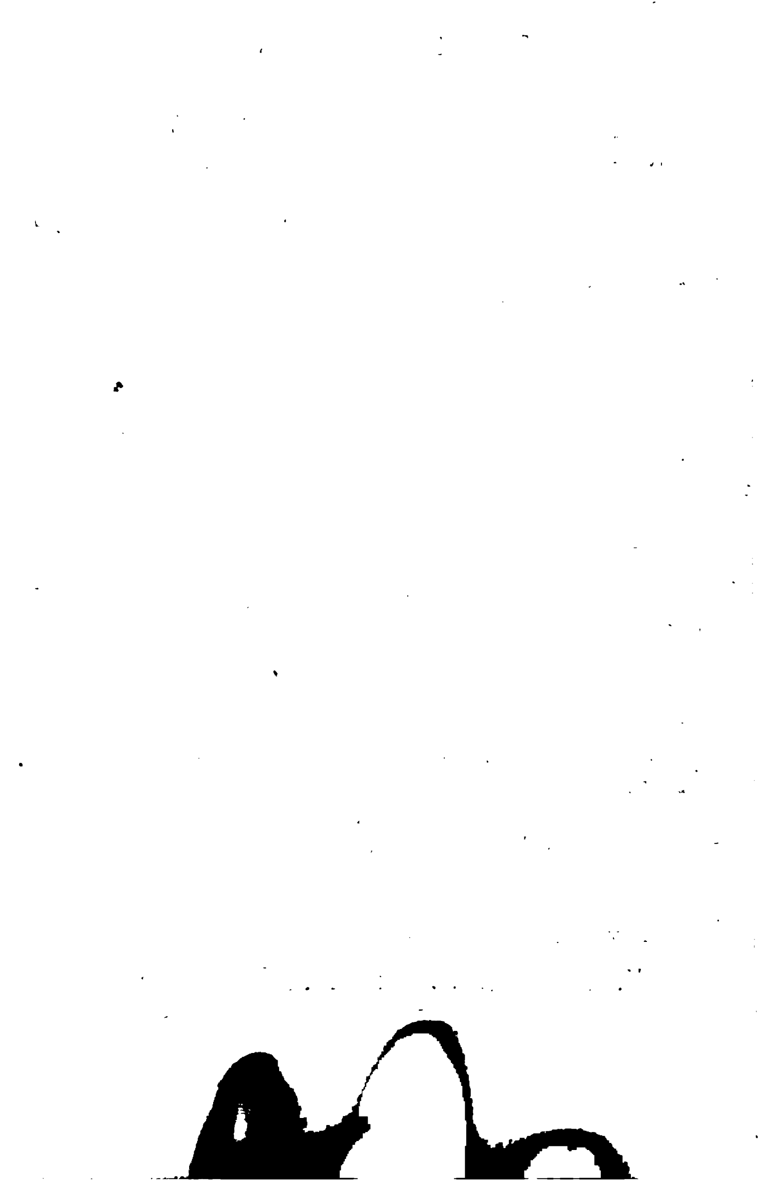
Варшава 4-го Января 1894.

Ю. Елецъ.

РУССКАЯ ЭСКАДРА
ВО ФРАНЦІИ.

Броненосецъ „Императоръ Николай“.

РУССКАЯ ЭСКАДРА

ВО ФРАНЦІИ

въ октябрѣ 1893 года.

составилъ

Ю. Елецъ.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1893.

Дозволено Цензурою.
Варшава 11 ноября 1893 года.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

РУССКОЙ

СРЕДИЗЕМНО-МОРСКОЙ

ЭСКАДРѢ.

ыпуская въ свѣтъ настоящій очеркъ, мы руководились лишь желаніемъ, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія дать краткій, общедоступный отчетъ случайнаго очевидца о такомъ великомъ для каждаго русскаго историческомъ событіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что о посѣщеніи Франціи русской эскадрой въ 1893 г. появятся цѣлые фоліанты, гдѣ каждая рѣчь, каждый фактъ найдутъ свое мѣсто, должную оцѣнку и соотвѣтствующее освѣщеніе. Цѣлью же предлагаемаго изданія является лишь стремленіе передать по возможности вѣрнѣе въ хронологическомъ порядкѣ рядъ тѣхъ первыхъ впечатлѣній, которыя испытывались каждымъ свидѣтелемъ этихъ небывалыхъ въ исторіи событій, переживавшихся въ незабвенные, великіе Парижскіе и Тулонскіе дни.

Авторъ.

Контръ адмиралъ

Федоръ Карловичъ Авеланъ.

Русская эскадра во Франціи.

Тулонъ.

1-го октября. 93

Событіе, къ которому вся Франція безъ различія партій и классовъ такъ давно и лихорадочно приготовлялась, перешло изъ области предположеній и ожиданій въ дѣйствительность, и Тулону первому пришлось сдѣлаться выразителемъ чувствъ, волновавшихъ его отечество, и первому принять вступившую во французскія воды русскую средиземноморскую эскадру. Ко дню прибытія ея весь городъ расцвѣтился флагами, фонарями, гирляндами, протянувшимися во всѣхъ направленіяхъ вдоль красивыхъ каменныхъ домовъ и черезъ улицы, въ большинствѣ случаевъ усаженныя густыми деревьями. Онѣ кишѣли уже 30-го числа громадными толпами народа, стекавшагося со всѣхъ концовъ южной Франціи. У многихъ были пришпилены франко-русскія кокарды, русскіе флаги въ рукахъ, таковые же воткнуты въ еле двигавшіеся

въ этомъ муравейникѣ экипажи. Всевозможные костюмы пестрѣли и перемѣшивались съ красивыми формами французскихъ войскъ. По городу раздавался грохотъ барабановъ, трубные звуки вступавшихъ въ него гимнастическихъ обществъ разныхъ городовъ, слышалась то тамъ, то тутъ марсельеза и глухой говоръ возбужденной предстоящими торжествами двухсотъ-тысячной толпы. Къ 1-му числу стали прибывать въ Тулонъ сенаторы, депутаты и делегаціи Парижа и другихъ городовъ, и пріѣхали для пріема нашихъ моряковъ морской министръ адмиралъ Ренье и совѣтникъ русскаго посольства въ Парижѣ г. Гирсъ. Прекрасное утро 1-го октября какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало торжественности событія, и весь красивый рейдъ Тулона съ ранняго часа наполнился пароходами, яхтами, шлюбками и лодками, отправившимися на встрѣчу эскадрѣ, въ то время какъ безчисленная толпа заняла набережную рейда и прилегавшія къ городу высоты. Еще раньше двинулись на встрѣчу адмиралу Авелану 11 французскихъ судовъ съ броненосцемъ *Marceau* во главѣ, и они-то первыя и встрѣтили эскад-

ру въ пятнадцати миляхъ отъ города. По мѣрѣ приближенія къ послѣднему, все увеличивался кортежъ нашихъ великановъ-броненосцевъ, на которыхъ всѣ матросы были посланы по реямъ и кричали „ура“ и „*Vive la France*“, отвѣчая на восторженныя привѣтствія французовъ; но вотъ показался и рейдъ. Гигантъ—французскій броненосецъ *Formidable* грянулъ привѣтственный салютъ—и точно электрическая искра пробѣжала по несмѣтной толпѣ, окаймлявшей рейдъ. Восторженный гулъ привѣтствій покрылъ собою звуки музыки и не прекращался ни на минуту, пока „Императоръ Николай“, а за нимъ „Память Азова“ и остальныя суда занимали мѣста на рейдѣ. На водѣ не было буквально нѣсколькихъ саженей свободнаго пространства — все было покрыто громадною флотиліей судовъ, откуда публика съ сіяющими, восторженными лицами, дружными восклицаніями и маханьемъ флаговъ и платковъ привѣтствовала дорогихъ гостей. Въ этомъ привѣтствіи было столько сердечнаго, неподкупно трогательнаго, что, по словамъ нашихъ моряковъ, многіе должны были удерживать слезы невольнаго умиле-

нія. Когда суда стали на якорь, передъ каждымъ началось дефилированіе яхтъ и шлюпокъ; многія останавливались у оконъ каютъ-кампаніи, и оттуда наши любезные моряки подавали стаканы съ шампанскимъ и чокались съ посѣтителями, изъ которыхъ тутъ же многіе посѣщали суда. На верхнихъ палубахъ, какъ французскихъ, такъ и нашихъ судовъ, были разставлены хоры музыкантовъ, игравшихъ „Боже, Царя храни", Марсельезу и „Маршъ Карно". Французскія суда: *Davout*, *Leger*, *Bombe*, *Dragonne*, *Dague*, *Audacieux*, *Coureur*, *Kabyle*, *Agile*, *Orage*, *Eclaire*, *Hercule* помѣстились позади и между гостями. Цѣлыя тучи франко-русскихъ флаговъ красиво оттѣняли впечатлѣніе этой несравненной картины, освѣщенной яркими лучами полуденнаго солнца, придававшими особую прелесть голубымъ тонамъ неба и синимъ волнамъ Средиземнаго моря. Послѣ установленныхъ салютовъ и визитовъ къ морскому министру и французскимъ адмираламъ, начальникъ нашей эскадры прибылъ въ сопровожденіи своего штаба въ мерію, гдѣ собрались всѣ представители и депутаты отъ городовъ и обществъ. Громадная тол-

па, въ которой яблоку негдѣ было упасть, кишѣла на набережной. Но вотъ на балконѣ показался адмиралъ Авеланъ и командиры судовъ, въ сопровожденіи мера города, г. Ферероя; раздалось оглушительное *Vive la Russie!* „Боже, Царя храни“ и громъ рукоплесканій. Когда немного утихъ народный восторгъ, нашъ адмиралъ снялъ шляпу и произнесъ: *Merci, mes amis! Vive la France!* Новый гулъ привѣтствій и звуки марсельезы покрыли эти слова. Въ 5 ч. городскія власти отдали визитъ адмиралу, а въ шесть съ половиною состоялся торжественный обѣдъ для русскихъ офицеровъ у морскаго министра, въ зданіи морской префектуры; во время обѣда музыка исполнила нѣсколько пьесъ Глинки и Чайковскаго. Суда французской эскадры прислали русскимъ великолѣпныя корзины цвѣтовъ съ голубыми лентами, на которыхъ золотомъ было оттиснуто названіе русскаго судна и тѣхъ судовъ французскихъ, которыя посылали подарокъ.

Во время пребыванія въ меріи, адмиралу Авелану были переданы г-жою Аданъ и многими дамами подарки для женъ русскихъ моряковъ. Самая церемонія пере-

дачи была очень трогательна и задушевна, и адмиралъ въ самыхъ прочувствованныхъ выраженіяхъ благодарилъ жертвовательницъ. Къ вечеру весь городъ сталъ готовиться къ назначенному *Fête de Nuit*.. На площади „Свободы", около громадной ея статуи, была устроена, украшенная флагами, лампами и электрическими фонарями, обширная сцена. Все пространство, занятое народною массой, было ярко освѣщено множествомъ огней; горѣли вензеля и наши гербы. По улицамъ тянулись ряды китайскихъ фонарей, газовыхъ звѣздъ; во всѣхъ окнахъ было яркое освѣщеніе. Приливъ народа дошелъ до крайняго предѣла. Почти невозможно было двигаться. Дождь „конфетти" сыпался во всѣхъ направленіяхъ, въ перемежку со смѣхомъ и остротами толпы. *Serpentins* обвивали проходящихъ, которые, въ свою очередь, закидывали ихъ на новыхъ лицъ, и надъ всѣми улицами стоялъ непрерывный гулъ радостнаго возбужденія. То и дѣло раздавался трескъ барабановъ, громъ музыки, и дефилировали со знаменами разныя общества, на военный образецъ, съ ружьями и въ ногу; ко хвосту колоннъ тотчасъ

же пристраивалась толпа, и каждый кортежъ увлекалъ за собою народныя волны. Со всѣхъ сторонъ раздавалось *Vive le Tzar! Vive la Russie! Vive l'amiral Avellan!* Масса молодежи во франко-русскихъ фуражкахъ, съ русскими флагами въ рукахъ, распѣвала патріотическія пѣсни, которымъ рукоплескала толпа. Въ 9 часовъ вечера на открытой сценѣ появился кордебалетъ и исполнилъ цѣлый рядъ танцевъ, которые избранная публика смотрѣла изъ галлерей, устроенныхъ противъ сцены. Прибывшихъ съ обѣда у морскаго министра, адм. Авелана и офицеровъ толпа встрѣтила восторженно. На рейдѣ всѣ суда были иллюминованы, и электрическіе прожекторы бросали волны свѣта во всѣхъ направленіяхъ. Прекрасный теплый вечеръ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ празднику, продолжавшемуся до глубокой ночи, — и замѣчательно, что порядокъ нигдѣ и ничѣмъ не былъ нарушенъ. Чтó особенно сообщало прелесть торжеству—это искренность всѣхъ проявленій народнаго чувства. Видно было, что каждый лично радъ приходу могучей русской эскадры, и у многихъ, чтó называется, отлегло отъ сердца, когда

раздался первый громъ салюта привѣтствовавшихъ Францію русскихъ броненосцевъ.

2-го сентября.

Городъ Тулонъ, на который устремлено было исключительное вниманіе Россіи, Франціи и всего міра, ведетъ свое существованіе съ древнѣйшихъ временъ; основанъ онъ былъ Лигурійцами, потомъ перешелъ въ руки Финикіянъ, затѣмъ Процеянъ, которые и дали ему названіе „Телосъ“, ли „Телонъ“. Съ тѣхъ поръ тамъ начало развиваться производство пурпура, достигшее громкой славы во времена Римлянъ, которые къ слову Телосъ прибавили имя одного изъ своихъ вождей, Марціуса. Это соединенное названіе перешло черезъ разныя эпохи въ Толлонъ, а затѣмъ Тулонъ. Извѣстность его подъ этимъ послѣднимъ именемъ началась съ 473 г.; и послѣ мученической смерти въ немъ св. Граціана Тулонъ сталъ епископальнымъ городомъ. Три раза осаждали его Сарацины, уводя обитателей въ рабство. Въ 1442 году въ Тулонѣ было всего 4,006 жителей; въ 1707 году городъ былъ осажденъ англи-

чанами и савойцами, но отбился, благодаря энергіи графа Гриньяна и епископа Шалю. Во времена конвента Тулонъ бомбардировалъ поручикъ артиллеріи Бонапартъ, впослѣдствіи императоръ Наполеонъ I. Теперь здѣсь первоклассный военный и значительный коммерческій портъ, къ которому прилегаетъ самый городъ, ограниченный съ сѣвера горами и считающій до 80,000 жителей, число которыхъ, благодаря прибытію русскихъ, временно увеличилось въ четыре раза.

На второй день пребыванія русской эскадры произошло много трогательныхъ сценъ на улицахъ, явно свидѣтельствовавшихъ объ искренности оказываемаго нашимъ морякамъ пріема. Одного матросика часа три водило по улицамъ какое-то гимнастическое общество, распѣвая марсельезу, размахивая русскими и французскими флагами, останавливаясь и угощая его передъ каждымъ кафе. Матросъ, судя по облику, ярославецъ или костромичъ, добродушно улыбался и видимо что-то отвѣчалъ на разспросы обнимавшихъ и цѣловавшихъ его гимнастовъ. Сцена эта была такъ трогательна, что встрѣчавшіяся на пути жен-

щины вынимали платки и вытирали слезы, повторяя: *Ah, comme tout ça vient du coeur! Ah, comme c'est beau!* Тѣ же слезы были у толпы передъ меріею, когда адмиралъ Авелланъ благодарилъ народъ. Одного нашего матроса густая толпа обступила при выходѣ изъ шлюпки. Всѣ протискивались ближе къ нему, изящныя дамы пожимали его загорѣлыя руки, и вся масса, какъ одинъ человѣкъ, кричала „*Vive la Russie*". По словамъ стариковъ, никогда Франція не видѣла ничего подобнаго.

Наши суда на рейдѣ продолжалъ окружать цѣлый лѣсъ мачтъ шлюпочнаго флота, унизанный всевозможными флагами. Французы выражали громкій восторгъ по поводу нашихъ великановъ-броненосцевъ и апплодировали каждому встрѣчавшемуся матросу.

Около двухъ часовъ дня по главнымъ улицамъ города состоялось шествіе представителей отъ ста сорока патріотическихъ обществъ гимнастики, являя собою чрезвычайно оригинальное зрѣлище: впереди двигались горнисты и барабанщики, за ними большой оркестръ музыки въ сѣрыхъ мундирахъ, далѣе шло каждое общество со

своимъ знаменемъ подъ командою офицера; у большинства его членовъ были гимнастическіе костюмы изъ трико, но нѣкоторые были одѣты въ военную форму, съ ружьями. Всѣ эти молодые красивые люди, съ сильно развитыми мускулами, шли, бойко отбивая ногу, соблюдая полную тишину,— и только салютами роскошныхъ знаменъ своихъ отвѣчали на привѣтствія и аплодисменты тѣснившейся кругомъ публики; за массою гимнастовъ шла рядомъ въ ногу и толпа, въ которой видны были и дамы, старавшіяся тоже попадать въ тактъ музыки. Шествіе направилось за-городъ къ спущенному *ballon captif* „Адмиралъ Авеланъ“, подъ управленіемъ г. Годара, для представленія адреса русскимъ морякамъ и гимнастическаго праздника.

На другой день своего прибытія начальникъ русской эскадры продолжалъ принимать и отдавать визиты всѣмъ офиціальнымъ лицамъ, прибывшимъ привѣтствовать наши суда, а также и массу адресовъ отъ различныхъ городовъ. Французскій морской министръ привѣтствовалъ начальника русской эскадры слѣдующею рѣчью: „Адмиралъ, я считаю себя особенно счаст-

ливымъ, что въ минуту вашего вступленія на французскую землю, имѣю честь привѣтствовать васъ отъ имени правительства Французской республики. Память о 1891 годѣ живетъ въ нашихъ сердцахъ. Съ этихъ поръ Кронштадтъ и Тулонъ будутъ свидѣтельствовать всегда о симпатіяхъ русской и французской націй. Отъ имени президента республики, правительства и всей страны говорю „добро пожаловать" вамъ, дорогой адмиралъ, и всѣмъ вамъ, господа, дорогіе товарищи-представители великаго и благороднаго народа". Растроганный адмиралъ Авеланъ отвѣчалъ прочувствованною рѣчью, гдѣ высказалъ, что, зная симпатіи Франціи, все-таки не думалъ встрѣтить этого необыкновеннаго по радушію пріема.

Французскій морской министръ послалъ президенту республики слѣдующую телеграмму:

„Русская эскадра вступила въ полдень: чудная погода; неописуемый энтузіазмъ. Адмиралъ Авеланъ и командиры судовъ были у меня; тороплюсь отдать визитъ".

„Ренье".

Въ два часа по полудни состоялся близь

города, въ присутствіи адмирала Авелана и его штаба, гимнастическій праздникъ, данный прибывшими соединенными обществами въ честь русской эскадры. Гимнастами показанъ былъ рядъ упражненій въ силѣ и ловкости, послѣ чего началось дефилированіе обществъ передъ русскими офицерами. Предсѣдатель делегацій прочелъ адресъ, весьма задушевно составленный, и поднесъ подарокъ, изображающій щитъ изъ черепахи съ серебряными украшеніями. Адмиралъ отвѣчалъ выраженіями глубокой признательности. Вся эта живописная картина сопровождалась русскимъ и французскимъ національными гимнами.

Въ $6\frac{1}{2}$ часовъ вечера на броненосцѣ *Formidable*, верхняя палуба котораго была обращена въ цвѣтной шатеръ изъ флаговъ всѣхъ націй, состоялся обѣдъ, предложенный начальникомъ французской эскадры русскимъ офицерамъ.

Между тѣмъ, жаркій день мало-по-малу смѣнился прохладнымъ тихимъ вечеромъ. По программѣ этого дня предстояли еще Венеціанскій праздникъ на морѣ и балъ въ зданіи арсенала.

Около восьми часовъ вечера вся набережная порта загорѣлась многочисленными огнями щитовъ, гирляндъ и звѣздъ; суда французской эскадры заблестѣли лампіонами, помѣщенными вдоль мачтъ, рей и по снастямъ. Масса яхтъ, шлюпокъ и лодокъ, преображенныхъ въ гондолы и увѣнчанныхъ большими венеціанскими фонарями, забороздили поверхность заснувшаго моря. Съ судовъ прорѣзывали тьму въ разныхъ направленіяхъ снопы электрическаго свѣта, и передъ глазами многотысячной толпы возникла обстановка изъ „Тысячи и одной ночи". Трудно словами передать чарующій эффектъ этого праздника, возможный только на морѣ: милліоны огней отражались на его зеркальной поверхности, удваивая эффектъ сочетанія всевозможныхъ тоновъ. Звуки музыки неслись съ берега къ французскому фрегату, гдѣ обѣдали наши моряки. Крики *Vive la Russie!* потрясали воздухъ во всѣхъ направленіяхъ. Русскихъ матросовъ толпа украшала, каждаго, множествомъ кокардъ и лентъ и съ тріумфомъ носила на рукахъ. Около десяти часовъ вся эта волшебная панорама приняла еще болѣе фантастическій и чарующій от-

тѣнокъ: съ горы *Six Fours*, прилегающей къ порту, былъ спущенъ блестящій фейерверкъ. Сотнями взлетали ракеты, и казалось, что южное небо каждую минуту рождало рядъ новыхъ свѣтилъ, смѣняя ихъ одни другими и разнообразя сочетаніе цвѣтовъ. Снопы бураковъ загорались и падали въ волны; зарево бенгальскихъ огней пожаромъ заливало силуэты русскихъ судовъ. Около „Императора Николая“ столпилась цѣлая огненная флотилія, наполненная избранною публикой. Радостный гулъ и крики, звуки музыки, трескъ бураковъ и ракетъ сопровождали это рѣдкое зрѣлище. Весь городъ не могъ присутствовать на праздникѣ, и толпы народа тѣснились на улицахъ, изъ коихъ даже самыя отдаленныя всю ночь горѣли огнями и пестрѣли флагами. Особенный колоритъ принимали эти узкіе корридоры изъ высокихъ домовъ, когда въ нихъ зажигался бенгальскій огонь, освѣщая до верху столѣтнія стѣны стараго города, казалось, также принимавшія живое участіе въ національномъ праздникѣ.

Къ 10 часамъ вечера начался съѣздъ на балъ, даваемый офицерами французской

арміи и флота въ честь русскихъ моряковъ. Громадная зала арсенала, въ которой свободно размѣстились всѣ приглашенные, а ихъ было 6,000 человѣкъ, была вся украшена военными арматурами и національными флагами обоихъ государствъ. На лѣстницѣ, украшенной тропическими растеніями, стояли французскіе средневѣковые рыцари въ своихъ доспѣхахъ. Вся зала была залита электричествомъ. Громадный оркестръ помѣщался на красиво убранной эстрадѣ. Приглашенные волнами вливались въ широкую входную тріумфальную арку. Масса представительницъ старинныхъ дворянскихъ фамилій пріѣхала изъ отдаленныхъ городовъ южной Франціи для присутствованія на балу, много было и изъ Парижа. Роскошь туалетовъ, блескъ бриллiантовъ и военныхъ мундировъ дополняли феерическую обстановку праздника. Балъ начался вальсомъ; за нимъ послѣдовалъ ритурнель кадрили, какъ вдругъ раздались звуки „Боже, Царя храни". Все общество поднялось, какъ одинъ человѣкъ, и стремительно направилось ко входу, гдѣ показался адмиралъ Авеланъ въ сопровожденіи своихъ офицеровъ въ

полной парадной формѣ. Раздалось дружное *Vive la Russie!* и всѣ мущины подняли вверхъ шляпы и кэпи. Наши офицеры обошли кругомъ всю залу при несмолкавшихъ восторженныхъ кликахъ, кланяясь и отвѣчая возгласами: *Vive la France!* Затѣмъ продолжался прерванный балъ, въ которомъ тотчасъ же приняла участіе наша изящная флотская молодежь, которую французскія дамы старались окружить всяческимъ вниманіемъ и предупредительностью. Танцы велись чрезвычайно оживленно со свойственнымъ французамъ *entrain*. Для каждаго присутствовавшаго здѣсь русскаго эта картина была тѣмъ болѣе дорога, что она выражала новую форму симпатій къ Россіи въ лицѣ собравшихся здѣсь представителей интеллигентной Франціи, изъ которыхъ никто не отказался принять участіе въ чествованіи русскаго флота. Балъ продолжался до утра и закончился блестящимъ контильономъ съ многочисленными фигурами и подарками на память о праздникѣ. Всѣ наши офицеры унесли съ собою самое свѣтлое воспоминаніе о второмъ днѣ, проведенномъ на французской землѣ. Это же испытывали

и матросы, говоря: „Вотъ какъ здѣсь русскаго человѣка уважаютъ! Вездѣ и въ Америкѣ хорошо было, ну, а такого торжества еще не видывали“.

3-го октября.

Третій день пребыванія нашихъ моряковъ въ этомъ гостепріимномъ городѣ отличался тѣмъ же блескомъ празднествъ и оваціями публики. Съ ранняго утра оркестры давали утреннія серенады передъ русскимъ вице-консульствомъ и правительственными зданіями. Особенное вниманіе привлекали тамбуринисты, выбранные изъ наиболѣе искусныхъ музыкантовъ деревень Прованса. Они, со знаменемъ впереди, шли стройными рядами, держа въ одной рукѣ маленькія флейты, а другою постукивая палочкой въ длинные, оригинальнаго устройства, въ родѣ барабановъ, тамбурины. Въ разныхъ мѣстахъ города, между прочими пьесами, ими былъ исполненъ замѣчательно мелодично нашъ національный гимнъ, вызвавшій громкій восторгъ толпы, которая съ ранняго утра такъ заполнила всѣ улицы, что надо было протискиваться, чтобы пройдти.

Послѣ обѣдни на „Памяти Азова“, адмиралъ Авеланъ и офицеры, всѣ въ парадной формѣ, прибыли на шлюпкахъ къ порту, гдѣ были встрѣчены нѣсколько часовъ ожидавшею ихъ публикою. Между тѣсными рядами привѣтствовавшаго ихъ дружными криками населенія, прошли наши офицеры къ зданію городскаго лицея, гдѣ былъ сервированъ банкетъ отъ городскаго муниципалитета. Мѣсто для него было избрано подъ платанами лицейскаго сада; подъ деревьями былъ раскинутъ шатеръ; боковыя стѣны зданія лицея убраны франко-русскими эмблемами, и длинные ряды огромныхъ столовъ расположились линіями подъ прямымъ угломъ отъ главнаго. Послѣ горячихъ привѣтствій адмирала Авелана, присутствующіе заняли мѣста; передъ каждымъ кувертомъ, (а ихъ было 600) лежало красивое меню завтрака и букетъ цвѣтовъ. Стройный хоръ 4-го морскаго полка наполнилъ звуками весь шатеръ, сквозь крышу котораго стремились проникнуть горячіе лучи южнаго солнца.

Адмиралъ Авеланъ занялъ мѣсто между мэромъ г. Ферреро, которому принадлежала честь устройства блестящаго пріема, и

адмираломъ де-Винь, начальникомъ французской эскадры; далѣе въ постепенномъ порядкѣ размѣстились командиры нашихъ судовъ, мѣстныя военныя и гражданскія власти и прочіе офицеры и приглашенные гости, равно какъ и делегаціи отъ городовъ и общинъ.

Передъ дессертомъ всѣмъ чинамъ нашей эскадры были поднесены отъ города Тулона серебряные кубки съ гербами Россіи, Франціи и Тулона и съ надписями: „Кронштадтъ 1891, Тулонъ 1893".

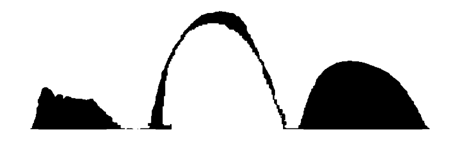
Присутствовавшій на обѣдѣ г. Арно-Жане первый предложилъ слѣдующій тостъ по-русски:

„За здоровье храбраго адмирала Авелана и за славу соединенныхъ русскаго и французскаго знаменъ".

Когда подали шампанское, мэръ города, г. Ферреро поднялся среди воцарившейся тишины и произнесъ:

„Адмиралъ, господа, я предлагаю тостъ за Царя, котораго Его народъ зоветъ Отцомъ, за Царицу и за Россію!"

Раздалось оглушительное „ура", *Vive la Russie!* и аплодисменты, покрытые тор-

жественными звуками нашего народнаго гимна.

Адмиралъ Авеланъ отвѣчалъ тостомъ въ честь президента республики и всей Франціи, и въ первый разъ выпилъ изъ золотаго кубка, поднесеннаго городомъ.

Тогда мэръ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Господа, внушительныя манифестаціи, свидѣтелями которыхъ вы являетесь, изъ ряда вонъ выходящіе взрывы патріотическихъ симпатій къ Россіи доказываютъ лишь безусловную привязанность Франціи къ великой сѣверной имперіи. Это единеніе двухъ народовъ, увѣнчанное кронштадтскимъ и тулонскимъ свиданіями, явитъ всему міру наше горячее стремленіе узрѣть наступающую для Европы эру мира и благоденствія“...

Закончилъ свою рѣчь г. Ферреро слѣдующими глубоко прочувствованными словами, причемъ въ голосѣ его слышались дрожащія ноты:

„Адмиралъ, воспоминаніе о посѣщеніи вашей блестящей эскадры на вѣчныя времена запечатлѣется въ сердцахъ тулонскихъ гражданъ. Для нихъ вы всегда останетесь друзьями; но не забудьте и вы, гос-

пода русскіе моряки, о нашей къ вамъ симпатіи, на память о которой городъ рѣшилъ предложить вамъ эти кубки. Когда вы будете пить изъ нихъ благородное, искрящееся вино французской земли, думайте о вашихъ южныхъ друзьяхъ!“

Обѣ эти рѣчи прерывались возгласами и горячими аплодисментами.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь адмиралъ произнесъ: „Г. мэръ, милостивые государи, съ каждымъ разомъ я все болѣе и болѣе проникаюсь глубокою признательностью къ тѣмъ заботамъ, какія вы приложили, чтобы сообщить высшую степень блеска пріему, сдѣланнаго намъ въ вашемъ славномъ Тулонѣ. Эти заботы показываютъ намъ еще разъ величіе французской націи, великолѣпіе ея гостепріимства и размѣръ взаимныхъ симпатій, существующихъ между двумя народами. Искренно благодаря васъ, г. мэръ, я пью за ваше здоровье, за процвѣтаніе Тулона и всей Франціи“. Громкій взрывъ привѣтствій и кликовъ былъ отвѣтомъ на задушевныя слова адмирала; присутствовавшій на обѣдѣ епископъ Фреюсъ не могъ удержаться отъ слезъ.

Банкетъ окончился около 2-хъ часовъ. Къ этому времени у воротъ лицея выстроился кортежъ изящныхъ экипажей, убранныхъ до самыхъ колесъ цвѣтами и сопровождаемый конвоемъ національныхъ гвардейцевъ, въ ожиданіи русскихъ гостей, чтобы везти ихъ на предстоявшую *bataille des fleurs.* Страсбургскій бульваръ и другія улицы были залиты народомъ, причемъ по обѣ стороны бульвара тянулись ряды стульевъ и трибуны, занятые исключительно дамами съ громадными букетами живыхъ цвѣтовъ въ рукахъ. Появленіе кортежа русскихъ офицеровъ послужило сигналомъ къ началу празднества, во все время котораго ни на минуту не прекращался радостный привѣтъ *Vive la Russie.* Впереди ѣхалъ нашъ адмиралъ съ меромъ и адмиралами Буассоди и де-Винь на четверкѣ громадныхъ вороныхъ коней, усыпанныхъ, какъ и коляска, цвѣтами и національными лентами двухъ народовъ; за нимъ слѣдовали въ коляскахъ русскіе и французскіе офицеры. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нашихъ были приглашены въ коляски тулонскихъ дамъ, а въ одну колесницу, изображавшую морскую шлюпку,

дамы взяли съ собою нѣсколько русскихъ матросовъ. За этимъ блестящимъ по убранству кортежемъ двинулась масса частныхъ экипажей, колесницъ, платформъ и т. п. Изъ нихъ особенно выдавалась военная колесница, везомая шестью бѣлыми конями, гдѣ среди военныхъ арматуръ и цвѣтовъ сидѣли элегантныя дамы и ихъ военные кавалеры. Очень хороши были колесница французскихъ моряковъ, китайская пагода, украшенная рисунками и зонтами, ботъ съ французскими и русскими моряками, на рулѣ котораго находились двѣ молодыя дѣвушки, аллегорически изображая Россію и Францію, коляски съ дѣтьми въ русскихъ костюмахъ и много другихъ замѣчательно роскошно убранныхъ колясокъ, брековъ и шарабановъ. Русскіе экипажи были буквально затоплены цвѣточнымъ дождемъ. Букеты летѣли въ нихъ во всѣхъ направленіяхъ, не только съ улицы, но и изъ оконъ всѣхъ этажей; каждая коляска моряковъ оставляла за собою большую цвѣточную дорожку. Цѣлыя тучи „конфетти“ *) осыпали русскую молодежь,

---

*) Родъ разноцвѣтныхъ облатокъ, ко-

которая не оставалась въ долгу, раскидывая во всѣ стороны цвѣты. Элегантныя представительницы встрѣчныхъ экипажей обвивали моряковъ длинными бумажными лентами разныхъ цвѣтовъ, извѣстными подъ названіемъ *serpentins;* привѣтствія, смѣхъ, радостныя лица, цѣлое море нависшихъ надъ улицей флаговъ и знаменъ придавали зрѣлищу какой-то необыкновенно феерическій характеръ. Порядокъ царилъ вездѣ изумительный, не было видно ни одного полицейскаго, и тѣмъ не менѣе ни одинъ диссанонсъ не нарушилъ стройнаго акорда народныхъ симпатій. Если съ одной стороны власти сдѣлали все, чтобы достойно принять Россію въ лицѣ ея эскадры, то „праздникъ цвѣтовъ“, иниціатива котораго исходила отъ общества и народа, не менѣе доказалъ то же самое. Чтобы показать, насколько онъ возбуждалъ интересъ и желаніе на немъ присутствовать, достаточно сказать, что за окно третьяго этажа платили по сту и даже по двѣсти франковъ. Нужно ли прибав-

---

торыми кидаютъ другъ въ друга во время карнавала въ Ниццѣ и на югѣ Франціи.

лять, что наши моряки были точно загипнотизованы подобнымъ пріемомъ? Возбужденная празднествами толпа ликовала всю ночь; всѣ кафе и рестораны были открыты. Импровизованныя процессіи съ флагами, трубами и барабанами во всѣхъ направленіяхъ крестили улицы. Особенно великъ былъ наплывъ народа около группы двухъ французскихъ матросовъ, которые остроумно связали за концы флаги русскій и французскій и ходили съ ними по улицамъ, наглядно показывая неразрывность обоюдныхъ симпатій двухъ великихъ народовъ.

4-го октября.

Шумное воскресенье не закончилось *bataille de fleurs.* Въ 9 часовъ въ городскомъ, очень красивой постройки, театрѣ, на этотъ разъ украшенномъ гербами Франціи, Россіи и Тулона и знаменами, отдѣланными золотою бахрамой, собралось все высшее общество на спектакль *gala.* Программа представленія заключалась въ одномъ актѣ изъ оперы „Гамлетъ", одномъ изъ „Африканки", квартетѣ пѣвцовъ на русскомъ языкѣ и балетномъ дивертис-

ментѣ изъ производящей громадный фуроръ во Франціи пьесы *Michel Strogow*. При появленіи въ главной ложѣ адмирала Авелана и офицеровъ, вся публика встала и восторженно привѣтствовала ихъ при звукахъ „Боже, Царя храни“ и потомъ „Марсельезы“. Затѣмъ началось представленіе, вызвавшее дружные аплодисменты. Въ срединѣ между актами были исполнены снова оба народныхъ гимна хоромъ въ 250 чел. Представленіе закончилось балетомъ изъ „Мишеля Строгова“, отличавшимся живостью исполненія и оригинальностью постановки. Такъ, трубачи кавалергардскаго полка въѣхали на сцену верхами и такъ и оставались до конца представленія. При разъѣздѣ громадная толпа снова устроила горячія оваціи нашимъ офицерамъ; каждый экипажъ сопровождали бѣгущіе по обѣ стороны его тулонцы. Когда уже всѣ уѣхали, толпа все колебалась уходить ли ей, поглядывая на освѣщенное театральное фойе. — „Погодите: можетъ быть, тамъ еще кто нибудь остался!“ — слышались голоса. На другой день, т. е. въ понедѣльникъ, 4-го октября, состоялся въ 12 час. большой обѣдъ, предложенный

офицерамъ нашей эскадры на броненосцѣ *Formidable* адмираломъ *de-Jaille*. Обстановка обѣденнаго салона, въ который была обращена палуба, была чрезвычайно оригинальна и состояла изъ флаговъ, военныхъ арматуръ и тропическихъ растеній; весь столъ былъ покрытъ розами, фіалками, мимозами и даліями; даже на славу вычищенныя пушки были обвиты цвѣтами; на верхнемъ мостикѣ была устроена изъ цвѣтовъ же надпись: *Dieu protège le Tzar!* При входѣ красовалась пирамида изъ якорей и цвѣтовъ; надо всѣмъ этимъ былъ раскинутъ тентъ изъ всевозможныхъ флаговъ. Адмиралъ Авеланъ не могъ присутствовать на этомъ обѣдѣ, вслѣдствіе массы распоряженій и инструкцій судамъ на время его отсутствія изъ Тулона. Первый тостъ былъ предложенъ адмираломъ Буассоди за здоровье Ихъ Величествъ, сопровождаемый звуками нашего гимна. Адмиралъ де-Жайль произнесъ рѣчь, которую заключилъ пожеланіемъ славы русскому флоту, и выпилъ за его процвѣтаніе, равно какъ и за средиземную славную эскадру. На эти тосты отвѣчали капитанъ 1-го ранга Лавровъ тостомъ за президента

республики и капитанъ Дикеръ. Во время рѣчей французскіе матросы подхватили на „ура“ своихъ товарищей—русскихъ гребцовъ со шлюпокъ, пріѣхавшихъ съ гг. офицерами.

Всѣ эти дни суда нашей эскадры буквально были осаждены посѣтителями. Приливъ ихъ былъ особенно великъ на „Императорѣ Николаѣ“. И всѣ, кто только ни былъ въ гостяхъ у русскихъ, вынесли самое отрадное впечатлѣніе отъ этого посѣщенія, восхваляя вездѣ чарующую любезность и гостепріимство нашихъ моряковъ. Эта черта нашего славнаго флота и его офицеровъ, эта „всечеловѣчность“, отличающая каждаго моряка, такъ знакомая всѣмъ русскимъ, впервые была проявлена передъ массами французовъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что совершенно ихъ околдовала. „Нужны были нечеловѣческія силы и громадный тактъ, говорили они, чтобы послѣ ряда, слѣдующихъ одни за другими, торжествъ находить и время для объясненій, и ласковое слово, и дружеское пожатіе руки для каждаго. Между зрителями слѣдовалъ и рядъ всевозможныхъ депутацій съ поднесеніями. Адмира-

лу Авелану не оставалось все время ни одной свободной минуты. Подаркамъ отведена была особая каюта, гдѣ они бережно и систематически складывались для предстоящей выставки ихъ въ Петербургѣ. Масса шлюпокъ, нагруженныхъ шампанскимъ и другими винами въ подарокъ морякамъ, то и дѣло приставали то къ одному, то къ другому судну. Все время эскадра была окружена пароходами, яхтами, шлюпками и лодками разныхъ величинъ. По расчету оказалось, что въ первые три дня болѣе трехсотъ тысячъ лицъ перебывало на эскадрѣ и вокругъ ея; различные музыкальные и пѣвческіе хоры дали передъ эскадрой цѣлый рядъ серенадъ.

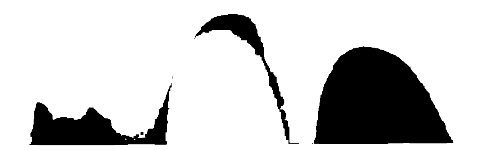
Въ 5 ч. и 5 ч. 20 м. вечера адмиралъ Авеланъ и около пятидесяти офицеровъ отбыли на двухъ курьерскихъ поѣздахъ въ нетерпѣливо ожидавшій ихъ и давно готовившійся ко встрѣчѣ всемірный городъ— Парижъ. Въ Марсели, та часть города, гдѣ прошли поѣзда не оставливаясь, тѣмъ не менѣе была вся иллюминована и украшена флагами, и масса столпившагося на вокзалѣ населенія привѣтствовала восторженными оваціями нашихъ офицеровъ. На обѣдѣ въ

столовой поѣзда начальникъ эксплоатаціи г. Пикаръ провозгласилъ тостъ отъ имени общества желѣзныхъ дорогъ. Во время двѣнадцатиминутной остановки въ Авиньонѣ со стороны жителей была сдѣлана шумная овація. Ночью, при проходѣ поѣздовъ, населеніе жгло фальшфейеры и бенгальскіе огни. По мѣрѣ приближенія къ Парижу, не смотря на то, что поѣзда на станціяхъ совсѣмъ не останавливались и почти не убавляли хода, масса окрестнаго населенія собиралась, чтобы хоть на мгновеніе увидѣть кого-нибудь изъ русскихъ офицеровъ. Такія же толпы были замѣтны у придорожныхъ селеній и даже просто въ поляхъ; многіе были съ флагами въ рукахъ; восторженныя выраженія лицъ и громкое: *Vive le Tzar! Vive la Russie!* были предвѣстниками ожидающихъ нашихъ моряковъ торжествъ въ столицѣ французской республики.

Парижъ.

5-го октября.

Настроеніе, охватившее всемірный городъ еще задолго до прихода во Францію Средиземноморской русской эскадры, мѣтко было окрещено названіемъ „Тулонской лихорадки". Трудно было себѣ представить бо́льшую ажитацію всего его многочисленнаго населенія въ ожиданіи пріема русскихъ моряковъ. Всѣ спѣшили запасаться флагами, кокардами, лентами русскихъ цвѣтовъ, раскупали на расхватъ всѣ брошюры, рисунки, касавшіеся русскаго флота и арміи. Въ салонахъ, кафе, на улицахъ, только и разговоровъ было, что про Россію. Время это получило названіе „русскаго періода". Газеты, описывавшія тулонскія торжества, брались положительно съ боя и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что буквально весь Парижъ, съ ранняго утра 5-го октября, былъ на улицахъ, въ ожиданіи торжественнаго въѣзда давно желанныхъ гостей. Заняты были не только тротуары и окна всѣхъ этажей, но и всѣ

крыши домовъ, гдѣ долженъ былъ слѣдовать кортежъ. Мѣста продавались за очень высокую цѣну, полиція оказалась безсильною противъ волнъ народныхъ, приливавшихъ къ Ліонскому вокзалу и неудержимыхъ въ своемъ стремленіи. Всѣ дома были разукрашены флагами, гирляндами, задрапированы матеріями. На вокзалъ, въ половинѣ девятаго утромъ, съѣхались всѣ представители гражданскихъ и военныхъ властей и делегаціи отъ различныхъ министерствъ и учрежденій.

Первый поѣздъ съ младшими офицерами эскадры былъ встрѣченъ съ неописаннымъ энтузіазмомъ, при подходѣ втораго, везшаго адмирала Авелана и командировъ судовъ, повторилось то же самое; головы обнажились и стѣны задрожали отъ кликовъ *Vive la Russie!* Музыка 4-го пѣхотнаго полка заиграла „Боже, Царя храни". Наши моряки отвѣчали привѣтомъ Франціи, съ трудомъ подвигаясь впередъ. Публика, чтобы лучше разсмотрѣть, взобралась даже на крыши вагоновъ. Въ роскошно убранномъ салонѣ состоялся пріемъ адмираломъ Авеланомъ всѣхъ встрѣчавшихъ его лицъ, и президентъ муниципальнаго совѣта

г. Эмберъ произнесъ слѣдующую рѣчь: „Считаю себя счастливымъ, адмиралъ, что могу привѣтствовать васъ отъ имени парижскаго муниципалитета. Я уже сообщилъ вамъ въ Тулонѣ, что вы будете радушно приняты въ Парижѣ. Здѣсь васъ ожидаютъ два милліона французовъ, чтобы лично засвидѣтельствовать дружбу и неразрывное единеніе нашихъ двухъ отечествъ: Россіи и Франціи“! Адмиралъ Авеланъ отвѣчалъ на это слѣдующимъ: „Привѣтствую въ вашемъ лицѣ, г. президентъ, великую столицу Франціи. Я счастливъ, что удостоился избранія Его Величества Государя Императора, для отданія визита, который былъ сдѣланъ намъ адмираломъ Жерве и офицерами французской эскадры въ С.-Петербургѣ“. Далѣе говорили рѣчи генералъ Шануанъ и префектъ Сены, а дочь г. Ренью поднесла адмиралу роскошную корзину цвѣтовъ отъ общества желѣзныхъ дорогъ. Далѣе привѣтствовали офицеровъ эскадры г. Гуоланъ, мэръ XII округа, въ районъ котораго входитъ Ліонскій вокзалъ, и г. Рауль Каниве, предсѣдатель комитета франко-русскихъ празднествъ. Около десяти часовъ шествіе тро-

нулось по улицѣ, имѣя впереди конвой муниципальныхъ гвардейцевъ. Толпа тотчасъ же прорвала линію полиціи и окружила коляски. Произошло нѣчто не поддающееся описанію. Энтузіазмъ достигъ невѣроятныхъ предѣловъ; толпа цѣплялась за колеса, стремясь пожать руки офицерамъ, женщины подносили дѣтей, экипажи забрасывались тысячами букетовъ. Крики *Vive le Tzar! Vive la Russie!* слились въ одинъ сплошной гулъ, ни на минуту не прерывавшійся; многіе плакали отъ радости. Съ одною дамой сдѣлался обморокъ отъ волненія, и она упала изъ окна на мостовую, но была подхвачена толпою и нисколько не пострадала. Волны публики сдвинули съ рельсовъ вагоны конножелѣзныхъ дорогъ, которые всѣ были загромождены зрителями. Почти все время наши офицеры ѣхали съ обнаженными головами, кланяясь, благодаря народъ и пожимая руки, сотнями протянутыя къ экипажамъ. По мѣрѣ приближенія къ площади Республики, экипажамъ приходилось двигаться все медленнѣе. На этой площади кортежъ ожидала масса тысячъ въ двадцать-пять. Новые взрывы

кликовъ и рукоплесканій потрясли воздухъ. У С.-Мартенскихъ воротъ адмиралъ былъ привѣтствованъ гимномъ, исполненнымъ театральнымъ оркестромъ. Еще раньше на Ліонской улицѣ процессія прослѣдовала черезъ Тріумфальную арку въ видѣ Кремлевскихъ воротъ съ надписью: „Нашимъ друзьямъ“. У С.-Денисскихъ воротъ импровизованные оркестры исполнили оба народныхъ гимна, причемъ толпа обнажила головы. По дорогѣ все время подносили адмиралу букеты цвѣтовъ. Особенно хорошо была убрана Оперная площадь, бульваръ Монмартръ, улица *Quatre Septembre*, представлявшіе собою море флаговъ, фонарей, гирляндъ и цѣлый лѣсъ мачтъ со знаменами цвѣтовъ обоихъ государствъ. Фрегатъ Людовика XV, украшенный цвѣтами, былъ выставленъ на эстрадѣ, на видномъ мѣстѣ, съ названіемъ *Souvenir* и числомъ „17 октября“ съ нѣсколькими депутатами и дамами въ видѣ почетной стражи. По приближеніи адмирала, фрегатъ былъ поднесенъ ему мэромъ XII округа. Среди грома оваціи кортежъ достигъ наконецъ Военнаго клуба, членами котораго были избраны наши офицеры, и

гдѣ было отведено для нихъ роскошное помѣщеніе.

Вскорѣ всѣ они показались на балконѣ, въ силу настоятельнаго желанія публики.

Вслѣдъ за тѣмъ, переодѣвшись въ парадную форму, всѣ отправились для слушанія молебствія въ русскую православную церковь на улицѣ Дарю. Но вслѣдствіе наплыва публики, кортежъ, съ трудомъ прокладывая себѣ дорогу, сильно опоздалъ и прибылъ часа на полтора позднѣе назначеннаго часа, при громкихъ привѣтствіяхъ собравшагося въ улицѣ Дарю народа. Когда всѣ вошли въ церковь, гдѣ уже находились члены русскаго посольства и колоніи съ барономъ Моренгеймомъ во главѣ, протоіерей о. Васильевъ отслужилъ молебенъ съ водосвятіемъ. При выходѣ изъ церкви, хоръ музыки 113-го пѣхотнаго полка заигралъ „Боже, Царя храни" и снова заволновалась громадная толпа. Обратный путь въ Военный клубъ произошелъ при той же обстановкѣ.

По прибытіи, былъ сервированъ завтракъ, при чемъ столъ былъ искусно убранъ живыми цвѣтами національныхъ оттѣн-

ковъ. Послѣ завтрака начался рядъ офиціальныхъ визитовъ, при чемъ адмирала Авелана эскортировалъ эскадронъ кирасиръ. При представленіи президенту республики адмиралъ привѣтствовалъ г. Карно отъ имени эскадры и всего русскаго флота. Президентъ отвѣчалъ прочувствованною рѣчью, гдѣ выразилъ привѣтъ эскадрѣ и увѣренность, что она встрѣтитъ горячій пріемъ со стороны всего французскаго народа. Послѣ этого всѣ офицеры были представлены президенту республики. Далѣе послѣдовали визиты сенаторамъ и палатѣ депутатовъ. Въ сенатѣ нашихъ офицеровъ горячо принялъ президентъ, г. Шальмель Лакуръ, въ палатѣ — г. Казиміръ Перрье. Президентъ республики пожаловалъ ордена Почетнаго Легіона слѣдующимъ лицамъ эскадры: контръ-адмиралу Авелану—крестъ степени *Grand Officier*, командорскій — контръ-адмиралу Скрыдлову, офицерскіе кресты—командирамъ судовъ: капитанамъ 1-го ранга: Дикеру, Чухнину, Лаврову и Кригеру, капитанамъ 2-го ранга: Пороменскому, Стеману, Фортману, Эбелингу, Лощинскому и Афанасьеву; кавалерскіе кресты: капита-

намъ 2-го ранга: Филипповскому и Михайлову; лейтенантамъ: графу Толстому, Зилотти, Соловьеву, Добровольскому, Родіонову, Виноградову, Де-Ливрону, Римскому-Корсакову, Бухвостову, Небольсину, Киріакову, Истомину, Селецкому, Угрюмову, Сергѣеву, Стронскому, Крафту и Поликарпову; инженеръ-механикамъ: Смѣльскому, Змигродскому, Покровскому, Мягкову, Подгурскому и Лаврову и докторамъ: Охотину, Медвѣдеву и Аристову.

Парижъ, 6-го октября.

По прибытіи нашихъ офицеровъ въ военный клубъ, туда были доставлены подарки въ видѣ корабля изъ цвѣтовъ—отъ комитета празднества, такого же якоря—отъ корпораціи торговцевъ цвѣтами въ *Halles centrales*, букетъ отъ г. Кавеньяка, бывшаго морскаго министра, и хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ отъ военнаго клуба. Во вторникъ состоялся большой обѣдъ, данный въ честь эскадры президентомъ республики въ Елисейскомъ дворцѣ, который весь былъ ярко иллюминованъ. Столъ былъ сервированъ на 110 кувертовъ, и за нимъ заняли мѣста прези-

дентъ республики, имѣя по правую руку адмирала Авелана, а по лѣвую—Казиміра Перье, и *m-me* Карно, справа отъ которой помѣстился нашъ посолъ, а слѣва—президентъ сената, г. Шальмель-Лакуръ. Далѣе размѣстились русскіе офицеры между высшими французскими генералами. На обѣдѣ присутствовали, между прочими, графъ Монтебелло, французскій посолъ въ Россіи, г. Лабуле, бывшій посолъ, и адмиралъ Жерве.

Тостъ президента республики былъ слѣдующій: „Провозглашаю тостъ за здравіе Его Величества Императора Александра III и почтительно присоединяю къ нему таковой же за здравіе Ея Величества Государыни Императрицы Россіи. Я пью за славный русскій флотъ, представители котораго здѣсь — наши дорогіе гости; за его храбрую сестру—русскую армію, и за весь русскій народъ".

Въ отвѣтъ на это нашъ посолъ, баронъ Моренгеймъ, произнесъ задушевную рѣчь, гдѣ выразилъ г-ну Карно признательность за его привѣтственную рѣчь, обращенную къ представителямъ русской эскадры. За обѣдомъ играла музыка республиканской гвар-

діи, исполнившая оба національныхъ гимна. Въ 10 часовъ вечера начался съѣздъ всего высшаго общества на пріемъ и балъ. Немыслимо было бы перечислить всѣхъ, кто былъ здѣсь, начиная съ представителей всѣхъ державъ и кончая блестящими офицерами всѣхъ полковъ французской арміи. Масса избранной публики, наполнившая салоны дворца, своимъ присутствіемъ снова доказала всѣ тѣ симпатіи къ Россіи, которыя живутъ не только во французскомъ народѣ, но и въ высшемъ его кругу. Танцы велись съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Офицеры нашей эскадры были окружены утонченнымъ вниманіемъ и любезностью всего общества и вызвали общій восторгъ замѣчательно хорошо исполненною мазуркой,—которой, къ слову сказать, во Франціи не знаютъ, и подъ мазурку танцуютъ обыкновенно польку. Адмиралъ Авеланъ отбылъ изъ дворца въ половинѣ двѣнадцатаго. Густая толпа народа, терпѣливо ожидавшая его въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, разразилась шумными привѣтствіями, сопровождавшими адмирала вплоть до самаго *Cercle militaire*. Но и послѣ его проѣзда толпы не

расходились, поджидая другихъ офицеровъ, остававшихся на балу далеко за полночь.

Второй день пребыванія русскихъ гостей въ Парижѣ распредѣлился слѣдующимъ образомъ:

Утромъ продолжались офиціальные визиты, при чемъ кортежъ сопровождался эскадрономъ 27-го драгунскаго полка съ пиками, въ парадной формѣ. Первый визитъ, передъ которымъ адмиралъ Авеланъ принялъ депутацію отъ сиротъ и покинутыхъ дѣтей, былъ къ губернатору Парижа, генералу Сосье. При входѣ, его встрѣтилъ почетный караулъ отъ кирасиръ. Привѣтствуя прибывшихъ, генералъ Сосье сказалъ: „Если населеніе оказало горячій пріемъ русскимъ морякамъ, то французская армія, хотя и не могла такъ громко высказать свои чувства, тѣмъ не менѣе сердцемъ сливается съ Франціею, чтобы достойно принять нашихъ гостей и друзей“.

Далѣе послѣдовали визиты къ канцлеру Почетнаго Легіона, морскому министру, адмиралу Жерве, президенту муниципалитета и другимъ высокопоставленнымъ

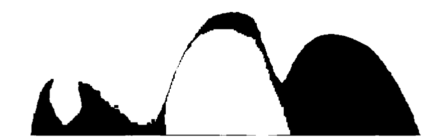
лицамъ. Въ часъ дня состоялся завтракъ въ русскомъ посольствѣ. При въѣздѣ офицерамъ эскадры былъ поднесенъ букетъ отъ частнаго комитета квартала С.-Тома.

По окончаніи завтрака состоялся большой пріемъ, гдѣ присутствовало все высшее французское общество и много членовъ русской колоніи; во время раута пѣлъ хоръ цыганъ, выписанный изъ Россіи.

Вечеромъ того же дня морской министръ давалъ обѣдъ и балъ въ честь адмирала Авелана и его офицеровъ. Балъ отличался необыкновенною роскошью и такимъ наплывомъ гостей, что трудно было двигаться; по возвращеніи съ него, адмиралъ нашъ долженъ былъ, по просьбѣ адмирала Жерве, два раза выходить на балконъ и отвѣчать поклонами на привѣтствія безчисленной толпы.

Оба первые дня на улицахъ Парижа царило необыкновенное оживленіе; въ первый вечеръ пріѣзда по всѣмъ улицамъ загорѣлась роскошная иллюминація. Массы фонарей были выставлены въ окнахъ, сіяли электрическія солнца, на различныхъ учрежденіяхъ горѣли огнями надписи. Особенно ярко были иллюминованы

бульвары; на нѣкоторыхъ улицахъ горѣли цѣлые корабли. Группы студентовъ и рабочихъ дѣлали въ разныхъ мѣстахъ города оваціи въ честь гостей; во всѣхъ театрахъ неоднократно требовали исполненія русскаго гимна и марсельезы. Всѣ фіакры ѣздили съ русскими флагами на козлахъ, и даже лошади были разукрашены маленькими флажками. Всюду раздавалось *Vive la Russie*; даже маленькія дѣти повторяли этотъ возгласъ, бѣгая по дворамъ и лѣстницамъ съ маленькими флагами въ рукахъ. Это необыкновенное оживленіе всего населенія просто поражало каждаго, обращая пріемъ русскихъ моряковъ въ небывалое историческое событіе. Все меркло передъ энтузіазмомъ благороднаго народа, и наши моряки, взволнованные до глубины души этими оваціями, неоднократно повторяли всѣмъ окружающимъ: „Все это можно видѣть только разъ въ жизни!“ Вскорѣ по прибытіи эскадры къ французскимъ берегамъ, изъ устъ въ уста передавалось усмотрѣнное кѣмъ-то сопоставленіе буквъ *R. F.* въ гербѣ Франціи, означающихъ *Republique Française* и въ то же время *Russie et France*.

Въ то время, какъ взволнованный, радостный Парижъ принималъ дорогихъ гостей, въ Тулонѣ своимъ чередомъ продолжались празднества. Во вторникъ, 5-го числа, утромъ состоялся бѣгъ велосипедистовъ, а вечеромъ—пуншъ, который 500 французскихъ унтеръ-офицеровъ предложили ста своимъ русскимъ товарищамъ. Предсѣдательствовалъ на немъ генералъ Малье и въ своей рѣчи выразилъ свою радость при видѣ соединенныхъ вмѣстѣ моряковъ юга и сѣвера. Собраніе длилось до 11 часовъ вечера, послѣ чего французскіе моряки проводили русскихъ до шлюпокъ, многихъ неся на рукахъ. Въ тотъ же вечеръ 200 нашихъ матросовъ присутствовали на парадномъ спектаклѣ въ городскомъ театрѣ, устроенномъ исключительно въ ихъ честь и сопровождавшемся многочисленными оваціями публики. Сверхъ этого, въ тотъ же день на улицахъ былъ устроенъ народный праздникъ, продолжавшійся всю ночь, съ безчисленными оваціями въ честь русской эскадры.

Парижъ, 7-го октября.

Въ третій день пребыванія въ Парижѣ русскихъ моряковъ, чествовалъ ихъ министръ иностранныхъ дѣлъ завтракомъ, послѣ чего состоялся у него большой пріемъ. Почетный караулъ составляла республиканская гвардія. Торжество отличалось тѣмъ же блескомъ, что и предыдущія, и вызвало новыя шумныя оваціи въ честь дорогихъ гостей. Послѣ этого адмиралъ Авеланъ продолжалъ визиты въ сопровожденіи адъютантовъ и командировъ судовъ; визиты были сдѣланы парижскому архіепископу, маршалу Канроберу, а также и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Въ 6 часовъ послѣдовалъ обѣдъ парижскаго муниципалитета въ *Hôtel de Ville,* для офицеровъ эскадры, на которомъ присутствовалъ президентъ республики. Послѣ тостовъ за Государя Императора и Царствующій Домъ, г. Эмберъ произнесъ рѣчь отъ имени муниципальнаго совѣта, закончивъ ее слѣдующими прочувствованными словами: „Я пью за все, что̀ вамъ дорого, за все, что̀ заставляетъ усиленно биться ваши сердца, за всѣ ваши привязанности, всѣ ваши радости, всѣ ваши надеж-

ды, я пью за Россію, сестру Франціи". Послѣ обѣда адмиралъ вышелъ къ ожидавшей его несмѣтной толпѣ. Энтузіазмъ ея былъ положительно невыразимъ обыкновеннымъ языкомъ, это были точно какія то громадныя волны криковъ, которыя разливались все дальше и дальше и находили себѣ дружное эхо на бульварахъ, уже сплошь занятыхъ народомъ, въ ожиданіи факельнаго шествія.

Движеніе экипажей на бульварахъ было прекращено съ 6 час. вечера. Цифра народа, наполнившаго собой эти главныя артеріи Парижа, для присутствованія на зрѣлищѣ, была опредѣлена министромъ иностранныхъ дѣлъ въ милліонъ, другіе полагали ее еще значительнѣе. Не мало было раненыхъ и придавленныхъ въ этомъ человѣческомъ морѣ. На бульварахъ не только дома, но и деревья были всѣ унизаны фонарями, на подобіе нашихъ рождественныхъ елокъ. Всѣ окна многоэтажныхъ домовъ были открыты настежь и въ нихъ виднѣлись тысячи головъ. Надъ улицами стоялъ сплошной гулъ нетерпѣливаго ожиданія, въ которомъ по временамъ можно было отличить возгласы: *Vive la Russie.*

Въ разныхъ мѣстахъ распѣвалась пѣсня:
„Cest les Russes, qu'il nous faut“.

Смежныя съ бульварами улицы были загромождены омнибусами, каретами, повозками, на которыхъ лѣпились кругомъ любопытные. Много дамъ сидѣло на плечахъ у мущинъ. На площади, передъ городскою ратушей, выстроены были два корабля съ парусами, на манеръ венеціанскихъ галеръ, замѣчательно иллюминованные и съ хорами пѣвчихъ внутри. Зданіе *Hôtel de Ville* горѣло огнями по всѣмъ карнизамъ. На верху сіяли огненныя короны, орлы и гербъ Республики; передъ входомъ стояли въ стальныхъ латахъ кирасиры и республиканская гвардія; улица, ведшая къ зданію Совѣта, была замѣчательно декорирована; надъ нею былъ расположенъ цѣлый рядъ массивныхъ газовыхъ люстръ, придававшихъ ей видъ какъ бы бальной залы, окаймленной южными деревьями, со звѣзднымъ куполомъ вмѣсто потолка. Но самая фантастическая картина развернулась передъ глазами зрителей, когда тронулось факельное шествіе. Издалека, сначала показалась большая, огненная разноцвѣтная змѣя. Толпа сильно задер-

живала ея движеніе; тысячи разныхъ формъ и величинъ факеловъ и фонарей неслись отрядами войскъ и пожарныхъ; въ промежуткѣ между ними слѣдовали драгуны съ копьями и кирасиры, на стальныхъ латахъ которыхъ играло зарево этого огненнаго моря; оркестры музыки исполняли марши. Никакое перо не въ состояніи описать, что́ дѣлалось въ ту минуту въ толпѣ. Все слилось въ общій кликъ *Vive la Russie!* Апплодисменты и пѣніе раздавалось со всѣхъ сторонъ. Масса народа взлѣзла на деревья. Повсюду загорѣлись бенгальскіе огни; за шествіемъ лился потокъ народныхъ волнъ, распѣвавшихъ марсельезу. Отъ городской площади кортежъ направился на „авеню Викторія", оттуда черезъ Севастопольскій, Сенъ-Денисскій, Пуасоньерскій, Монмартрскій и Итальянскій бульвары на Оперную площадь, на которой одной собралось до двухсотъ тысячъ человѣкъ, привѣтствовавшихъ кортежъ съ новою энергіею. Послѣ этого, еле-еле подвигаясь впередъ, онъ достигъ черезъ бульваръ *Madeleine* — площади Согласія. Чего только не выдѣлывала радостно волнующаяся, совсѣмъ опьяненная отъ возбужде-

нія толпа! Парижане-старожилы утверждали, что не запомнятъ ничего подобнаго, Цѣлые три часа, съ 10-го до 1-го ночи, продвигались отряды съ огнями черезъ вышеупомянутые бульвары, а въ толпѣ масса заняла мѣста съ 6 часовъ вечера, и многіе съ самаго утра. Полиція снова оказалась безсильна что-либо предпринять: ее такъ и смело народною волной. И во всемъ этомъ торжествѣ не было ни одного недоброжелательнаго возгласа, ни одного свистка! По выраженію одного изъ депутатовъ, Франція представляла изъ себя все это время до безумія впервые влюбленную дѣвушку, добившуюся наконецъ свиданія съ предметомъ своей страсти.

Вечеръ закончился двумя концертами въ честь адмирала эскадры, первымъ—въ роскошныхъ залахъ *Hôtel de Ville*, расписанныхъ по стѣнамъ картинами изъ исторіи Парижа и украшенныхъ статуями и фресками, и вторымъ—въ изящно убранномъ помѣщеніи *Фигаро*, при чемъ въ концертахъ приняли участіе всѣ лучшія силы французскихъ театровъ, съ Сарою Бернаръ во главѣ.

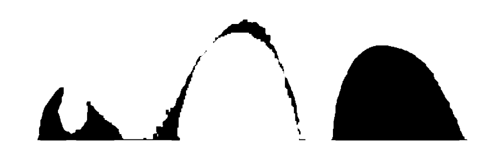
Декламируя стихи, эта артистка отъ чрез-

мѣрнаго волненія упала въ обморокъ, причемъ первоначальная помощь была ей подана однимъ изъ докторовъ русской эскадры. Нѣсколько артистовъ вставляли въ пѣніе русскіе слова, а *m-lle* Жильберъ исполнила цыганскій романсъ: „Слушайте, если хотите“, вызвавшій оглушительные аплодисменты собравшагося общества. Наши моряки оставались въ салонахъ *Фигаро* до 4 час. утра и при выѣздѣ снова встрѣтили большую толпу привѣтствовавшаго ихъ народа. Въ этотъ день эскадрѣ были поднесены роскошные подарки отъ муниципалитета и магазиновъ Лувра, а также искусно сдѣланный плугъ въ цвѣтахъ отъ Земледѣльческаго Общества, съ надписью: „Земледѣліе процвѣтаетъ лишь во времена мира“.

12-го октября.

Прекрасное осеннее утро четвертаго дня пребыванія нашихъ моряковъ въ Парижѣ было посвящено прогулкѣ по городу, которую, вслѣдствіе поступавшихъ со всѣхъ сторонъ просьбъ населенія о посѣщеніи тѣхъ или другихъ кварталовъ, пришлось черезчуръ удлиннить. Въ 9 ча-

совъ утра, едва кортежъ изъ 23 каретъ двинулся въ путь, какъ настоящій цвѣточный дождь посыпался изъ оконъ и съ балконовъ. Первая остановка была на центральномъ рынкѣ. Здѣсь 23 молодыя дѣвушки поднесли въ каждую карету по букету цвѣтовъ, а адмиралу—цвѣточный якорь. Весь рынокъ былъ убранъ матеріями, цвѣтами и флагами. Слѣдующій визитъ былъ въ *Conservatoire des Arts et des Métiers.* Подробнаго осмотра этого извѣстнаго учрежденія сдѣлать не пришлось за недостаткомъ времени, и, выслушавъ привѣтственныя рѣчи дирекціи, адмиралъ двинулся въ дальнѣйшій путь въ кварталы С.-Дени и С.-Мартенъ, встрѣчая вездѣ замѣчательныя декораціи улицъ. Все населеніе рынка Маджента бросилось на встрѣчу экипажей и засыпало ихъ цвѣтами. На вокзалѣ Восточной желѣзной дороги адмиралу была поднесена изящною молодою дѣвушкою громадная корзина цвѣтовъ. Кортежъ прослѣдовалъ на желѣзнодорожный мостъ, по бокамъ и на сквозной крышѣ котораго лѣпился народъ, черезъ тріумфальную арку, красиво устроенную изъ проволоки и разноцвѣтной бумаги. Слѣдующая

громадная арка была воздвигнута при скрещеніи улицъ Шапелль и С.-Дени: она была поставлена на-спѣхъ, ночью, такъ какъ тамъ незадолго узнали о предстоящемъ проѣздѣ русскихъ моряковъ. Здѣсь адмирала и офицеровъ привѣтствовали муниципалитетъ 19-го округа и учащаяся молодежь улицы Секретанъ. Все рабочее населеніе, скопившееся здѣсь, необыкновенно горячо привѣтствовало русскихъ гостей. Нѣсколько далѣе расположилась толпа изъ нѣсколькихъ тысячъ дѣтей. Здѣсь въ палаткѣ былъ устроенъ „лёнчъ". Наши офицеры, не выходя изъ колясокъ, пили шампанское за здоровье *belles parisiennes*, которыя толпились кругомъ, подымая на верхъ малолѣтнихъ дѣтей. Далѣе кортежъ двинулся по улицѣ Аллемань, гдѣ черезъ каждыя три сажени виднѣлись перекинутыя черезъ улицу привѣтственныя надписи. У втораго желѣзнодорожнаго моста красовалась арка изъ зелени; съ эстрады молодыя дѣвушки бросали цвѣты при громкихъ крикахъ *Vive la Russie!* На рынкѣ Вильетъ, гдѣ ожидала масса народа тысячъ въ десять, было предложено шампанское, провозглашены тосты, а инспек-

торъ рынка прочелъ написанные имъ стихи. Улица Фландръ была вся залита женщинами съ маленькими дѣтьми, хлопавшими рученками и кричавшими своими звонкими голосами: *Vive la Russie!* Затѣмъ русскіе моряки посѣтили школу улицы Луи-Бланъ. Здѣсь триста дѣвицъ въ форменныхъ платьяхъ съ разноцвѣтными лентами встрѣтили адмирала и офицеровъ русскимъ національнымъ гимномъ. Послѣ этого одна молодая дѣвушка, очень взволнованная, со слезами на глазахъ приблизилась къ адмиралу и прочла слѣдующее привѣтствіе:

„Г. адмиралъ, вы оказали большую честь парижскимъ дѣтямъ, посѣтивъ ихъ школы. Мы никогда не забудемъ этого выраженія симпатіи къ намъ, потому что какъ въ вашей, такъ и въ нашей странѣ женщина живетъ исключительно привязанностью и воспоминаніями".

Въ слѣдующемъ помѣщеніи школьники окружили офицеровъ, прося ихъ автографовъ. Прослѣдовавъ далѣе черезъ Елисейскія поля, пестрѣвшія элегантною толпой, кортежъ остановился у Пальмаріума, гдѣ былъ сервированъ завтракъ съ хорами му-

зыки и пѣвчихъ. На немъ присутствовали члены генеральнаго и муниципальнаго совѣтовъ.

Въ четвертомъ часу, послѣ завтрака, наши офицеры направились къ площади *Etoile* черезъ громадную толпу, наполнившую обширную улицу *Marceau* и Альминскій мостъ, гдѣ была сдѣлана горячая овація, и полиція совершенно смята публикою. Затѣмъ гости посѣтили лицей Бюффона, гдѣ ихъ приняли директоръ и мэръ XV округа и провели въ большой дворъ, украшенный флагами и арматурами. Здѣсь произнесены были рѣчи, послѣ чего всѣ воспитанники проводили адмирала до коляски съ громкими привѣтствіями. По улицѣ Вожираръ почти нельзя было двигаться; изъ оконъ, пестрѣвшихъ тысячами флаговъ, сыпалась на кортежъ масса цвѣтовъ, со всѣхъ сторонъ протягивались руки для пожатій, и наши моряки едва успѣвали отвѣчать такому множеству привѣтствій. Наплывъ толпы у Монпарнасскаго вокзала былъ такъ великъ, что вынудилъ кортежъ остановиться. Привѣтствія просто оглушили прибывшихъ; полиціи съ трудомъ удалось освободить дорогу для экипажей.

это несмѣтное количество вездѣ толпившагося народа сдѣлало то, что кортежъ запоздалъ на три часа противъ составленнаго заранѣе росписанія.

При въѣздѣ на бульваръ Распайль снова послѣдовала остановка: патріотическій комитетъ XIV округа воздвигнулъ эстраду, на которой ожидали русскихъ гостей нѣсколько сотъ приглашенныхъ. Здѣсь президентъ комитета произнесъ рѣчь. Адмиралъ отвѣчалъ, и слова его были покрыты оглушительными криками *Vive la Russie! Vive l'amiral!* Три молодыя дѣвушки, одѣтыя въ бѣлый, синій и красный цвѣта, съ черно-желтою перевязкой, поднесли роскошные букеты съ такими же лентами. Во все время пути, въ коляски продолжали сыпаться цвѣты, и скоро наши славные моряки совсѣмъ были ими покрыты. Еще передъ послѣднею остановкой было получено нѣсколько букетовъ отъ служащихъ въ компаніи „трамваевъ". На площади около обсерваторіи ожидала новая толпа, взобравшаяся на всѣ машины и сооруженія для работъ на вокзалѣ. Все это чернѣло народомъ, проведшимъ въ нервномъ ожиданіи лишнихъ три часа и наконецъ дождав-

шимся желанной встрѣчи. На бульварѣ Араго снова показалось цѣлое море головъ, при входѣ въ „авеню *d'Italie*" возвышалась великолѣпная тріумфальная арка съ надписью „Добро пожаловать". Крики и привѣтствія здѣсь слились въ одинъ сплошной гулъ. При приближеніи къ фабрикѣ Гобеленовъ издали были замѣтны украшенія изъ дивныхъ ея произведеній, покрывшихъ весь фасадъ, и на двухъ громадныхъ мачтахъ было протянуто полотнище желтаго шелка съ надписью: „Царь Петръ Великій посѣтилъ Гобелены 12-го мая и 15-го іюня 1717 года". Кортежъ здѣсь былъ встрѣченъ гимномъ „Боже, Царя храни" и привѣтствіями всѣхъ служащихъ на мануфактурѣ, причемъ офицерамъ были поднесены два больших букета, окаймленныхъ пальмовыми листьями. Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ времени, адмиралъ не могъ посѣтить внутреннихъ помѣщеній, чего съ такимъ нетерпѣніемъ ждали всѣ рабочіе. Весь кварталъ этого трудоваго люда, на ихъ пôтомъ и кровью добытыя „су", былъ украшенъ тысячами флаговъ. Къ массѣ встрѣчавшихъ присоединились рабочіе, побросавшіе для

этого занятія на фабрикахъ. Не смотря на отсутствіе полиціи, толпа, по выраженію адмирала Авелана, держала себя съ тактомъ истаго дипломата, и напрасно Парижъ боялся какихъ-либо манифестацій непріязненнаго свойства изъ такой несмѣтной массы: не было ни одной фальшивой ноты въ этомъ привѣтственномъ гулѣ сотни тысячъ голосовъ. Между тѣмъ, темнота быстро наступала, и новыя толпы нѣсколько разъ ошибались, принимая за гостей переднія коляски, наполненныя лишь одними цвѣтами. „Это они! — кричали голоса,—только совсѣмъ исчезли въ цвѣтахъ".

Въ кварталѣ св. Виктора всѣ торговцы соединили усилія, чтобы достойно принять гостей. На площади были устроены двѣ большія эстрады. Два музыкальныхъ общества исполнили оба народныхъ гимна. Массы рабочихъ влѣзли на крыши, пустыя бочки, поставленныя въ нѣсколько рядовъ, а также и внутрь послѣднихъ, что придавало особый характеръ зрѣлищу. Въ виду темноты кварталъ поспѣшили освѣтить факелами, свѣчами и лампами. Слѣдующее движеніе по бульвару Генриха IV освѣщалось бенгальскими огнями. При

въѣздѣ въ улицу Серизе, кортежъ остановился передъ домомъ, гдѣ жилъ Петръ Великій въ 1717 г.; весь онъ былъ унизанъ венеціанскими фонарями, и въ двухъ окнахъ были выставлены портреты двухъ Императоровъ: Александра III и Петра Великаго. Г. Файо, мэръ 4-го округа, привѣтствовалъ адмирала отъ имени квартала, гдѣ проживалъ Великій Царь-Преобразователь. Далѣе, на площади Бастиліи произошла новая невольная остановка изъ-за громадной толпы. Цѣлый лѣсъ мачтъ съ флагами возвышался надъ публикою. Муниципальные гвардейцы съ трудомъ прокладывали путь черезъ тѣснившіеся ряды. Съ *Palais de Justice*, гдѣ должна была произойдти слѣдующая остановка, коляски поровнялись въ семь съ половиною часовъ. Далѣе забросали кортежъ цвѣтами, пока онъ въѣзжалъ въ громадныя золотыя ворота. Въ Латинскомъ кварталѣ массы студентовъ и студентокъ привѣтствовали гостей. Въ знаменитой Сорбоннѣ встрѣча была приготовлена въ амфитеатрѣ, гдѣ праздновался юбилей Пастера. Двѣ тысячи студентовъ размѣстились на трибунахъ.

Но такъ какъ за позднимъ временемъ адмиралу нельзя было долго оставаться, то пріемъ стостоялся у подъѣзда. Вся улица *Victor-Contin* была переплетена *serpentin*'ами, которые рабочіе поперекидывали съ одной стороны на другую, образовавъ такимъ образомъ разноцвѣтный, трепещущій въ воздухѣ сводъ. На улицѣ Суфло гостей ожидала новая арка, воздвигнутая въ нѣсколько часовъ времени. Повсюду быстро зажигалась иллюминація.

Встрѣчая адмирала, ректоръ университета произнесъ слѣдующее: „Г. адмиралъ! Хотя мы также приготовили привѣтственную рѣчь, но я не смѣю утруждать теперь васъ ею,—позвольте только заявить вамъ, что мы счастливы пожелать вамъ всего лучшаго въ стѣнахъ Сорбонны. Позвольте представить вамъ комитетъ студенческихъ корпорацій, который желаетъ поднести въ память вашего посѣщенія медаль, какъ символъ единенія французскихъ университовъ". Адмиралъ, поблагодарилъ, провозгласилъ: „*Vivent les étudians!*" Далѣе кортежъ галопомъ двинулся улицами *Tournon* и *Seine*, гдѣ его встрѣтили цѣлые ряды громадныхъ мачтъ со снастями и морскими флагами.

На Одеонѣ издалека виднѣлась сіяющая, обрамленная знаменами, надпись: *Vive le Tzar*! На бульварѣ С. Жерменъ выстроена была арка въ видѣ громаднаго якоря. Здѣсь энтузіазмъ толпы соперничалъ съ роскошью украшеній. Трудно было окинуть глазомъ безчисленное множество повсюду пестрѣвшихъ флаговъ. Въ Пале-Роялѣ адмиралу была поднесена бронзовая группа, предназначенная для морскаго Кронштадтскаго собранія. Шампанское и тосты дамъ встрѣтили усталыхъ отъ этого тяжелаго дня нашихъ офицеровъ.

Поѣздка закончилась улицами Риволи и *De la Paix*, и если нашимъ морякамъ трудно было за эти часы познакомиться со всемірнымъ городомъ, за то они воочію убѣдились въ потрясающемъ сочувствіи толпы, и конечно день этотъ останется для нихъ незабвеннымъ навсегда.

Къ 10 часамъ вечера вереницы каретъ стали съѣзжаться къ зданію *Hotel de Ville*, которое, равно какъ и вся площадь, было ярко иллюминовано; по фасадамъ зданій, окаймлявшихъ площадь, тянулись коллонады залитыя огнями, на *avenue Victoria* спустилось точно съ неба до 50 боль-

шихъ люстръ; всѣ дома горѣли огнями; на площади два корабля съ пѣвчими были также иллюминованы по всѣмъ снастямъ; хоры исполняли поочередно нашъ гимнъ, марсельезу, *Amour sacré de la patrie* и маршъ изъ Фауста. Масса дамъ, пріѣхавшихъ на балъ, медлила войдти въ подъѣздъ и оставалась, пользуясь удивительно теплымъ вечеромъ, въ сказочной обстановкѣ залитой огнями обширной площади. Но вотъ издалека засверкали латы и палаши кирасиръ и послышался громъ привѣтствій. Офицеры эскадры, въ парадной формѣ, въ колясках показались на площади. Въ подъѣздѣ ихъ встрѣтили республиканскіе гвардейцы, отдавая честь, а съ кораблей понеслись стройные звуки „Боже, Царя храни".

Громадныя залы Парижской „думы" были уже полны изящною публикой, привѣтствовавшей входившихъ, одни за другими, офицеровъ эскадры. При входѣ въ залу ихъ встрѣчали муниципальный совѣтъ, контръ-адмиралъ Жерве и нашъ военный агентъ въ Парижѣ, баронъ Фредериксъ, равно какъ и члены нашего посольства. Адмиралъ Авеланъ, въ сопровожденіи г. Эмбера, прослѣдовалъ въ пріемную залу, гдѣ

были выставлены подарки эскадрѣ отъ города Парижа: нѣсколько статуй: „Вооруженный міръ“ и медали „въ память дружескаго посѣщенія и искренности пріема“. Одинъ изъ старшихъ офицеровъ, благодаря муниципальныхъ совѣтниковъ, очень картинно выразился, сказавъ, что Парижъ доставилъ эскадрѣ такой тріумфъ, который никогда не выпадалъ даже на долю побѣдителей. Вслѣдъ затѣмъ адмиралъ со своею свитой обошелъ всѣ залы, встрѣчаемый дружными привѣтствіями и цвѣтами, которые дамы бросали подъ ноги нашимъ морякамъ.

Во время бала состоялся дивертисментъ, исполненный первыми парижскими танцовщицами, а также и небольшой концертъ, въ которомъ приняли участіе г-жи Амель, г-жа Перро и др.

Наши офицеры на этотъ разъ не принимали участія въ танцахъ, вслѣдствіе полученнаго извѣстія о смерти маршала Макъ-Магона, и въ половинѣ перваго оставили наполненныя публикой блестящія и гостепріимныя залы парижскаго муниципалитета.

13-го октября.

Пятый день пребыванія офицеровъ эскадры въ столицѣ Франціи прошелъ не такъ шумно, какъ предыдущіе: всѣ празднества субботы и воскресенья были отложены по случаю кончины маршала Макъ-Магона. Въ субботу состоялся лишь завтракъ и пріемъ у министра внутреннихъ дѣлъ, г. Дюпюи. Роскошная галлерея, вся увѣшанная гобеленами, съ изображеніемъ видовъ Версаля, Рамбулье и Компіена, была обращена въ зимній садъ, надъ которымъ раскинулся громадный шатеръ. Въ массѣ зелени были расположены искусственные цвѣты съ электрическими лампочками внутри, придававшими обстановкѣ завтрака оригинальный характеръ. Первый тостъ былъ предложенъ хозяиномъ за Государя Императора, Государыню Императрицу и всю Царскую Фамилію. Баронъ Моренгеймъ отвѣчалъ тостомъ за президента республики. Далѣе, г. Дюпюи провозгласилъ здоровье адмирала Авелана, русскаго флота и арміи. Адмиралъ отвѣчалъ на это слѣдующею рѣчью:

„Съ той минуты, какъ суда наши вспѣнили французскія воды, мы находимся въ

волшебной странѣ. Одни чудеса смѣняются другими. Очарованіе этихъ дней было такъ велико, что мы забыли даже счетъ времени. Такъ какъ мы находимся теперь у министра внутреннихъ дѣлъ, *Ministre du coeur de la France*, я пью за здоровье г. Дюпюи, президента совѣта, и за благоденствіе Франціи".

Послѣ тостовъ г. Дюпюи, превосходный оркестръ республиканской гвардіи сыгралъ русскій гимнъ, а послѣ рѣчей барона Моренгейма и адмирала Авелана — марсельезу. Послѣ завтрака приглашенные разошлись по роскошнымъ салонамъ, которые вскорѣ начали наполняться избраннымъ парижскимъ обществомъ. Гости входили по лѣстницѣ, между двумя рядами республиканскихъ гвардейцевъ. Пріемъ закончился около пяти часовъ, но еще ранѣе адмиралъ Авеланъ и офицеры отбыли на выставку „прогресса" въ *Palais d'Industrie*, гдѣ были встрѣчены вице-президентомъ муниципальнаго совѣта, г. Мюзе. Публика, находившаяся на выставкѣ въ минуту пріѣзда нашихъ моряковъ, въ количествѣ двухъ-трехъ тысячъ человѣкъ, сдѣлала шумную овацію. Адмиралу былъ

поднесенъ большой букетъ. Съ выставки всѣ отправились въ *Grand Hôtel*, гдѣ въ честь русской эскадры было устроено фехтовальное состязаніе. Здѣсь парижскихъ гостей ожидала масса публики, горячо ихъ привѣтствовавшая. Когда всѣ заняли мѣста, г. Вильневъ прочелъ слѣдующую телеграмму: „Офицеры, любители фехтованія, собравшись въ Петербургѣ, шлютъ свои привѣтствія принимающимъ участіе въ фехтовальномъ боѣ въ *Grand Hôtel*'ѣ, равно какъ выраженія живѣйшей симпатіи своимъ французскимъ товарищамъ". Послѣ состязанія въ одной изъ залъ былъ сервированъ *lunch*. Вечеромъ нѣкоторые изъ офицеровъ посѣтили театръ *Opéra Comique*, дирекція котораго тотчасъ же предоставила ложи въ ихъ распоряженіе. При ихъ появленіи хоръ на сценѣ исполнилъ гимнъ, и вся зала, стоя, просила повторенія. Затѣмъ была потребована марсельеза и артистка, игравшая „дочь полка", съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукахъ, исполнила ее подъ акомпанементъ оркестра.

Всѣ эти дни въ Парижъ не переставали прибывать подарки различныхъ городовъ Франціи для адмирала Авелана и эскадры.

Для нихъ отведена большая комната военнаго собранія. Въ большинствѣ случаевъ, все это скульптурныя произведенія изъ бронзы, мрамора, серебра, а также и рукодѣлія, въ видѣ роскошно вышитыхъ знаменъ.

—

Утромъ, 10-го октября, весь Парижъ сталъ собираться на улицахъ, ведущихъ отъ церкви св. Магдалины къ Дому Инвалидовъ. Въ первой выставлены были останки маршала Макъ-Магона, въ послѣднемъ приготовлено мѣсто ихъ послѣдняго упокоенія. Около десяти часовъ начался съѣздъ участвовавшихъ въ похоронахъ лицъ. Мало по малу ступени храма, амфитеатромъ сходящія къ улицѣ *Royale,* покрывались толпою представителей всѣхъ министерствъ республики. Со всѣхъ улицъ доносился громъ барабановъ и звуки музыки полковъ парижскаго гарнизона, занимавшихъ свои мѣста. Народъ, наполнившій собою все свободное пространство, хранилъ глубокую тишину, нарушенную подавленными восклицаніями лишь при появленіи громадныхъ размѣровъ (болѣе сажени въ діаметрѣ) вѣнка маршалу Макъ-Магону

отъ нашихъ моряковъ. Вѣнокъ, сдѣланный изъ камелій, бѣлой сирени, георгинъ, хризантемъ и незабудокъ, съ пальмовыми листьями и морскими лентами, былъ дѣйствительно великолѣпенъ. По срединѣ, на бѣлой шелковой матеріи, рельефно выдѣлялась надпись: *L'Escadre Impériale Russe de la Méditerranée.* Когда кортежъ тронулся, наши офицеры заняли мѣсто между дипломатическимъ корпусомъ и офицерами французской арміи, явившись на похороны въ полномъ составѣ. Адмиралъ Авеланъ слѣдовалъ непосредственно за колесницею, между посланниками иностранныхъ державъ. При видѣ нашихъ офицеровъ раздалось нѣсколько привѣтственныхъ кликовъ, тотчасъ же подавленныхъ толпою, державшею себя всѣ эти дни съ удивительнымъ тактомъ и понявшею всю неумѣстность какихъ-либо манифестацій въ данную минуту. Похороны маршала Макъ-Магона были замѣчательно торжественны; по окончаніи ихъ, всѣ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо Дома Инвалидовъ, отдавъ послѣднюю земную честь своему бывшему вождю.

———

Предпослѣдній день пребыванія офицеровъ Средиземноморской эскадры въ Парижѣ былъ чрезвычайно разнообразенъ по программѣ празднествъ. На этотъ день были назначены: праздникъ гимнастовъ, завтракъ въ военномъ министерствѣ, военная карусель во дворцѣ машинъ на Марсовомъ полѣ, венеціанскій праздникъ на Сенѣ, фейерверкъ въ Трокадеро и наконецъ ужинъ въ *Cercle Militaire*.

Въ 8½ часовъ утра, адмиралъ и офицеры посѣтили музей *Grévin*, гдѣ были встрѣчены директоромъ и его дочерьми, поднесшими букеты цвѣтовъ. Затѣмъ послѣдовало посѣщеніе общества *Levallois*, гдѣ адмирала привѣтствовали делегаціи благотворительныхъ Обществъ и обществъ взаимопомощи.

Далѣе наши офицеры прослѣдовали въ общество *Lux*, между выстроившихся по пути делегацій отъ стрѣлковъ *Tricolore* и *Revanche*; здѣсь были сняты группы съ адмирала, генерала Шануана и офицеровъ, предназначенныя для военнаго и жокей клубовъ. По возвращеніи въ *Cercle* адмиралъ былъ привѣтствованъ комитетомъ французской выставки въ Москвѣ, поднес-

шимъ медаль на память объ этомъ событіи.

Въ 12 часовъ состоялся завтракъ въ военномъ министерствѣ. Весь его отель былъ превращенъ въ роскошный дворецъ, украшенный знаменами, тропическими растеніями и арматурами. У подъѣзда высилась фигура французскаго рыцаря 15-го столѣтія, закованнаго въ броню и на такомъ же конѣ; по бокамъ его стояли рыцари XVI вѣка, а вокругъ нихъ по стѣнамъ красивыми группами было размѣщено оружіе соотвѣтствующихъ эпохъ. Въ первой залѣ, среди арматуръ новѣйшихъ временъ, поставлены были статуи президента Карно и его знаменитаго предка. Слѣдующія залы были всѣ въ цвѣтахъ и гобеленахъ; обширная галлерея обращена въ столовую, а въ саду устроенъ шатеръ изъ зеленаго шелка съ золотомъ, на таковыхъ же столбахъ, обвитыхъ зеленью. По четыремъ угламъ его стояли часовые и висѣли группы знаменъ; входъ сторожили два алебардиста среднихъ вѣковъ. Четыре прекрасныхъ статуи, работы Сало, Дари и Фонтена, дополняли эту феерическую обстановку, залитую электрическимъ свѣ

томъ. Гости были встрѣчены почетнымъ карауломъ отъ республиканской гвардіи; кромѣ русскаго посольства и офицеровъ эскадры, на завтракѣ присутствовалъ весь высшій военный міръ. Послѣ тоста, произнесеннаго военнымъ министромъ г. Луазильономъ за Государя Императора, Царскую Фамилію и русскую армію и флотъ, въ лицѣ его представителей въ Парижѣ, адміралъ Авеланъ отвѣчалъ: „Я пью за здоровье французской арміи и ея славныхъ генераловъ, за армію, храбрость и героизмъ которой были искони ея обычными традиціями". Баронъ Моренгеймъ предложилъ тостъ за генераловъ Лефло, Шанзи и Аппера, пребываніе которыхъ въ С.-Петербургѣ еще болѣе способствовало закрѣпленію дружескихъ узъ между двумя государствами.

Между тѣмъ, въ саду Тюльери съ утра собрались всѣ стрѣлковыя, гимнастическія и спасательныя общества, прибывшія въ Парижъ по случаю франко-русскихъ праздниковъ. Всѣ члены этихъ делегацій, всѣхъ возрастовъ отъ 10 ти до 30-ти лѣтъ, въ оригинальныхъ костюмахъ, соединились подъ общею командою полковника Дюпюи, десяти капитановъ и сорока поручиковъ

резерва и территоріальной арміи. Къ шествію, которое двинулось въ 12 часовъ черезъ Сольферинскія ворота, примкнула и делегація участниковъ войны 1870—1871 гг. Всѣ эти группы добровольно пожелали составить шпалеры на улицахъ при проѣздѣ нашихъ офицеровъ въ *Ecole Militaire*. Расположились они слѣдующимъ образомъ: около военнаго министерства, спасательное общество, студенты *sauveteurs de la Seine*; за ними, среди 4-хъ муниципальныхъ гвардейцевъ стала *m-me Jarréthout* въ формѣ маркитантки, съ Почетнымъ Легіономъ на груди, членъ общества *Volontaires de Châteaudun*, которое выстроилось за нею; далѣе стояли: *comité de Sillery*, общество „Краснаго Креста", участники войны 1870 г.; делегаціи отъ городовъ: Анжера, Руана, Каэна, Дижона, Фурми, Лилля, Либурна; еще далѣе —*L'union démocratique des anciens défenseurs de la Patrie* со знаменемъ, предназначеннымъ для адмирала Авелана, которое держалъ г. Соре съ ампутированною ногой отъ раны, полученной подъ Рейсгоффеномъ; на знамени вышитъ нашъ Государственный гербъ и надпись: *Souvenir de la Féderation des com-*

battants de 1870 —1891 Paris. Octobre 1893. Далѣе по улицѣ *Bourgogne* расположилось общество бывшихъ военныхъ Сенскаго департамента, а на площади *Palais-Bourbon* и набережной *d'Orsay*—пѣвческія, музыкальныя и гимнастическія общества, всего числомъ до 12,000 человѣкъ. При проѣздѣ кортежа офицеровъ эскадры, всѣ общества привѣтствовали ихъ громкими кликами, музыкой, игравшею нашъ гимнъ и марсельезу, и наклоненіемъ распущенныхъ знаменъ. Офицеры наши, какъ и во все время поѣздокъ по Парижу, ѣхали съ открытыми головами, не переставая кланяться восторженной толпѣ и посылать привѣтствія *Vive la France!*

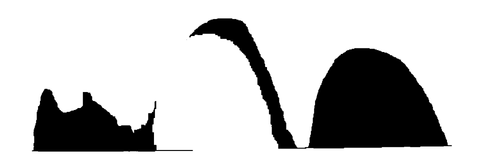
Ecole Militaire, красиво убранная трофеями и знаменами, съ шестью орудіями, поставленными у входа, вмѣщала въ своемъ дворѣ офицеровъ всего Парижскаго гарнизона, выстроенныхъ въ четыре шеренги, съ генералами впереди, имѣя во главѣ губернатора Парижа, ген. Сосье. Въ два часа показался конвой кирасировъ въ блестящихъ латахъ и коляски нашихъ моряковъ. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовали взаимныя представленія русскихъ и французскихъ офицеровъ и

отъѣздъ всей блестящей массы присутствовавшихъ на военную карусель.

15-го октября.

Громадное „зданіе машинъ“ представляло 11-го октября рѣдкое зрѣлище: на трибунахъ, нарочно устроенныхъ для карусели, и на постоянныхъ галлереяхъ, окаймлявшихъ внутренность зданія, собралось до 40,000 челов. Въ серединѣ была воздвигнута ложа для президента республики и офицеровъ эскадры, по бокамъ — трибуны дипломатическаго корпуса, парламента, представителей высшей администраціи, высшихъ и младшихъ офицеровъ; на верхнихъ галлереяхъ были отведены мѣста для унтеръ-офицеровъ и инвалидовъ.

Въ $2^1/_4$ часа появился адмиралъ Авеланъ въ сопровожденіи многочисленной свиты, и среди оваций собравшагося общества прошелъ къ своей ложѣ. Въ $2\frac{1}{2}$ часа подъѣхалъ въ открытомъ ландо президентъ республики съ супругою, встрѣченный военнымъ министромъ. По данному распорядителемъ знаку, трубачи заиграли фанфару, и на арену выѣхали взводы отъ полковъ: 4-го и 5-го конно-егерскихъ (*chasseurs*

à cheval), 27-го и 28-го драгунскихъ и 1-го и 2-го кирасирскихъ. Когда они заняли опредѣленныя мѣста, началось дефилированіе штандартовъ 4-го конно-егерскаго полка, везомыхъ егерями въ различныхъ формахъ, и передъ глазами зрителей возникла живая исторія формъ этого старѣйшаго полка французской арміи и постепеннаго ихъ видоизмѣненія. Изъ аркебузьеровъ онъ сдѣлался полкомъ фюзильеровъ, затѣмъ волонтеровъ, потомъ драгунъ и наконецъ конно-егерей. Всего представлено было 20 всадниковъ въ историческихъ костюмахъ. Когда они выстроились, на арену вынесся въ карьеръ, везомый поручикомъ Левромъ, современный штандартъ полка, передъ которымъ преклонились всѣ старые штандарты, при звукахъ торжественнаго марша. Публика громко аплодировала этой оригинальной и красивой картинѣ. Далѣе послѣдовала самая карусель, исполненная замѣчательно отчетливо и красиво на разныхъ аллюрахъ; особенно величественна была атака соединенныхъ взводовъ, вызвавшая шумный восторгъ общества. Въ антрактѣ между двумя отдѣленіями карусели нижнихъ чиновъ состоя-

лась ѣзда высшей школы офицеровъ академіи и Сомюрскаго училища, подъ общею командой капитана де-Канизи. Эта замѣчательная ѣзда на чудныхъ чистокровныхъ лошадяхъ была произведена съ такимъ рѣдкимъ знаніемъ дѣла, что трудно было бы желать чего либо бóльшаго въ этомъ смыслѣ. Не менѣе удалась ѣзда *sauteurs en liberté*, вызвавшая многочисленныя одобренія. Въ заключеніе состоялась скачка черезъ высокій барьеръ тридцати двухъ блестящихъ представителей различныхъ полковъ французской кавалеріи; особенно удачно былъ взятъ этотъ барьеръ всею шеренгой изъ 32 коней, при чемъ ни одинъ не отсталъ ни на пядь. Карусель закончилась церемоніальнымъ маршемъ всѣхъ участвующихъ мимо президента республики, и публика стала торопиться на „венеціанскій праздникъ", который былъ назначенъ въ 4 часа по полудни.

Начиная съ двухъ часовъ, все пространство набережной Сены отъ Инвалидовъ до *Point du jour* было загромождено несмѣтнымъ множествомъ народа, взбиравшагося даже на деревья. Около Трансатлантической панорамы было приготовлено для

приглашенныхъ восемь пароходовъ Собравшаяся на пристани публика, въ ожиданіи офицеровъ эскадры, пѣла нашъ гимнъ и марсельезу. Но вотъ раздались пушечные выстрѣлы, и венеціанская галера, при звукахъ музыки, возвѣстила своимъ появленіемъ о приближеніи парохода *l'Almée*, на которомъ находился адмиралъ Авеланъ со своими офицерами. Крики: *vive le Tzar! vive la Russie!* все время неслись съ береговъ, и адмиралъ, подойдя къ берегу, не переставалъ кланяться народу. Подъѣхавъ къ пароходу *Bateau Parisien*, гдѣ была устроена почетная трибуна, адмиралъ перешелъ на нее въ сопровожденіи морскаго министра и адмирала Жерве и былъ встрѣченъ контръ-адмираломъ Ложе и членами Сенскаго яхтъ-клуба. Послѣ нашего гимна, исполненнаго нѣсколькими оркестрами, послѣдовалъ спускъ трувильскаго спасательнаго бота, при громкихъ аплодисментахъ публики. Вслѣдъ за этимъ начался праздникъ: сотни маленькихъ лодокъ съ русскими морскими флагами окружили *Bateau Parisien* и привѣтствовали адмирала Авелана; за ними слѣдовали шлюбки съ флагами и венеціан

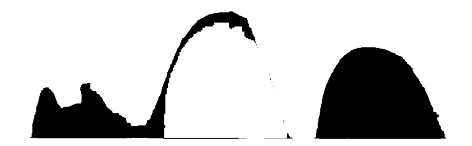
скими фонарями. Вся Сена была покрыта этою красивою флотиліей, которая въ заключеніе, при пушечныхъ выстрѣлахъ, продефилировала мимо адмирала Авелана. Послѣ *lunch*'а, приготовленнаго на трибунѣ, русскіе офицеры, съ трудомъ двигаясь въ громадной толпѣ, окружившей коляски, отбыли при звукахъ гимна на народный банкетъ на Марсовомъ полѣ. Записалось участвовать на этомъ торжествѣ 30,000 чел., но могло быть допущено лишь 3,600, т. е. столько, сколько могло вмѣстить приготовленное для этого случая самое большое зданіе выставки. Съѣздъ на обѣдъ начался съ 6-ти часовъ, и вся масса приглашенныхъ безъ труда отыскивала свои мѣста. Около семи часовъ прибыли военный и морской министры, генералъ Сосье, министры финансовъ и народнаго просвѣщенія, гг. Мальяръ, Флоке, Каниве и другіе, равно какъ и гости, въ честь которыхъ былъ назначенъ банкетъ. Въ семь часовъ четыреста лакеевъ внесли супъ, и банкетъ начался. За супомъ 150 человѣкъ разливали мадеру. Еще заранѣе было вычислено количество продуктовъ, потребовавшихся на этотъ гомерическій

по своимъ размѣрамъ праздникъ, а именно: 1,200 литровъ супа, сорокъ бочекъ сардинокъ, 800 килограммовъ *filet de boeuf*, 700 фазановъ, 500 рыбъ разныхъ сортовъ, 500 литровъ салата, 4,000 формъ мороженаго, 500 килограммовъ винограда, 2,000 яблокъ, 4,000 чашекъ кофе, 3,000 бут. шампанскаго, 12,000 хлѣбовъ и т. д. Однихъ тарелокъ было 32,000 и 20,000 стакановъ! На банкетѣ этомъ не было тостовъ, и лишь за дессертомъ г. Ранъ *(Rane)* чокаясь съ адмираломъ, провозгласилъ: *Vive la Russie!* Когда всѣ встали изъ-за стола, въ глубинѣ зданія отдернулся занавѣсъ, открывшій сцену, на которой былъ исполненъ балетъ *Maladetta*.

Съ девяти часовъ вечера на улицахъ Парижа стали зажигать иллюминацію; особенно роскошно были освѣщены площадь Республики и Оперная, улица *Quatre Septembre*, Трокадеро, около котораго въ 10 часовъ былъ пущенъ громадный фейерверкъ, и въ заключеніе загорѣлись двѣ аллегорическія фигуры Франціи и Россіи, подающихъ другъ другу руки. Адмиралъ Авеланъ и наши офицеры любовались этимъ рѣдкимъ зрѣлищемъ съ Эйфелевой

башни, которая вся горѣла огнями, стремясь въ небеса своею остроконечною вершиной.

Между тѣмъ, Оперная площадь съ 9-ти часовъ вечера была залита народными волнами. Шесть башень, окаймлявшихъ выходы изъ улицъ, были превращены въ большіе огненные столбы; столько же электрическихъ солнцъ бросали въ разныхъ направленіяхъ перекрещивающіеся снопы свѣта; на зданіи *Cercle Militaire* горѣли разноцвѣтныя электрическія звѣзды, мѣняя ежеминутно узоры и превращая ихъ въ русскіе, національный и морской флаги. Дома горѣли по карнизамъ тысячами огней. Иллюминованныя перспективы бульваровъ и улицъ лучами расходились отъ площади, на которой было свѣтло, какъ днемъ. Число флаговъ въ городѣ за дни пребыванія здѣсь русскихъ гостей увеличилось вдвое. Толпа терпѣливо ожидала проѣзда нашихъ офицеровъ на ужинъ въ Военный клубъ, гдѣ въ нѣсколькихъ залахъ, освѣщенныхъ *á giorno*, были накрыты столы на 400 кувертовъ. Въ ½ двѣнадцатаго послышался глухой шумъ привѣтствій, возраставшій по мѣрѣ приближенія кортежа, и коляски одна

за другою, сопровождаемыя кирасирами съ обнаженными палашами, стали останавливаться у входа въ *Cercle*, у котораго поставлены были двѣ полевыя пушки и караулъ отъ муниципальныхъ гвардейцевъ. Вся лѣстница утопала въ тропическихъ растеніяхъ, среди которыхъ электрическія лампочки въ видѣ цвѣтовъ бросали свѣтъ всевозможныхъ оттѣнковъ. За ужиномъ присутствовали министры: военный, морской (адмиралъ Рьёнье), губернаторъ Парижа, генералъ Сосье, г. Эмберъ, президентъ муниципальнаго совѣта, нашъ военный агентъ въ Парижѣ, генералъ, баронъ Фредериксъ, члены русскаго посольства, адмиралъ Жерве, генералы Даву, Бильо, Буадефръ, Монсье, Дешармъ, де-Морнакъ, Форни, Ламберъ и мн. др., а также болѣе трехсотъ старшихъ офицеровъ французской арміи и флота.

За дессертомъ, губернаторъ Парижа, генералъ Сосье, провозгласилъ слѣдующій тостъ:

„Милостивые государи, я счастливъ, что министры военный и морской предоставили мнѣ, какъ предсѣдателю военнаго клуба, честь произнести рѣчь. Я пользуюсь этимъ

съ восторгомъ, чтобы выпить бокалъ за здравіе Ихъ Величествъ Государя и Государыни Всероссійскихъ и за Всю Царскую Семью. Послѣ глубокаго почтенія, возданнаго Высочайшимъ Особамъ, которыхъ безмѣрно обожаетъ вся Франція, я пью за здоровье нашихъ гостей, нашихъ товарищей, представителей русскаго флота. Выражая имъ сожалѣніе, что дни, которые они провели съ нами, прошли такъ быстро, мы не теряемъ надежды, что они сохранятъ воспоминаніе о насъ, какъ мы свято будемъ беречь его о нихъ. Мы увѣрены, что громадное разстояніе, раздѣляющее насъ, ничѣмъ не ослабитъ узъ, насъ соединяющихъ. Господа, за великую, симпатичную и благородную націю: за Россію!"

Громъ аплодисментовъ покрылъ эту рѣчь, на которую адмиралъ Авеланъ отвѣчалъ слѣдующее: „Безконечно благодаренъ вамъ за ваше слово, равно какъ и всѣмъ представителямъ французской арміи и флота за всю ихъ симпатію, которой мы никогда не забудемъ. Могу васъ увѣрить отъ имени всѣхъ насъ, мы всегда будемъ съ гордостью помнить, что могли провозгласить сегодня тостъ за французскую армію

и флотъ. Но прежде чѣмъ принести этотъ долгъ признательности, я пью за здоровье г. президента республики, и, исполнивъ это, провозглашаю отъ всего сердца „„ура!““ за армію и флотъ. Ура! ура!“.

Все общество отвѣтило крикомъ „ура!“, неоднократно возобновлявшимся. Ужинъ продолжался до 3-го часа, послѣ чего начался разъѣздъ.

16-го октября.

Въ послѣдній день своего пребыванія въ столицѣ Франціи адмиралъ Авеланъ все утро принималъ различныя делегаціи и подарки, ими подносимые. Такъ, комитетъ общества гимнастовъ вручилъ адмиралу бронзовую статую *Jeunesse*, работы Таньо, и пять медалей для каждаго изъ судовъ эскадры. Городъ Лоріанъ поднесъ великолѣпную серебряную чашу, городъ Альби— шелковое знамя, общество покровительства путешествующимъ коммерсантамъ— бронзовую статую работы Годе, сооруженную на средства, собранныя по подпискѣ, часть которыхъ пошла семействамъ погибшихъ на „Русалкѣ“. Нѣсколько дамскихъ благотворительныхъ обществъ под-

несли знамена. Въ это же утро адмиралъ принималъ депутацію изъ Лотарингіи съ г. Мезьеромъ во главѣ; въ салонѣ уже заранѣе были выставлены подарки отъ трехъ пограничныхъ департаментовъ, цѣною въ 45,000 фр. Г. Мезьеръ сказалъ прочувствованную рѣчь, которую закончилъ слѣдующими словами: „Пусть эти произведенія искусства всегда напоминають вамъ, адмиралъ, вашимъ офицерамъ и матросамъ, что въ Лотарингіи у васъ есть вѣрные и преданные друзья, во всѣхъ ея 1,800 общинахъ“.

Вслѣдъ затѣмъ лотарингская делегація отправилась къ нашему послу, барону Моренгейму, и просила повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества, въ воспоминаніе о Тулонскомъ и Кронштадтскомъ свиданіяхъ, „Золотую книгу“, исполненную лучшими художниками Лотарингіи, съ подписями всѣхъ ея 1,800 меровъ.

Въ 12 часовъ дня во дворцѣ состоялся прощальный завтракъ, данный президентомъ республики въ честь офицеровъ эскадры. Число приглашенныхъ было очень ограниченное, всего 80 человѣкъ. Во время де-

серта г. Карно произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Мы съ сожалѣніемъ видимъ приближеніе часа отъѣзда изъ Парижа достойныхъ представителей русскаго флота, которые такъ дружески и сердечно приняли участіе и въ нашихъ радостяхъ, и въ нашемъ горѣ. Ихъ посѣщеніе оставитъ неизгладимыя воспоминанія; надѣюсь, что и ихъ воспоминанія будутъ не менѣе продолжительны. Отъ лица всей Франціи желая нашимъ гостямъ счастья и успѣха, я пью за здоровье Ихъ Величествъ Императора Александра III и Государыни Императрицы".

Музыка республиканской гвардіи исполнила русскій національный гимнъ, послѣ чего адмиралъ Авеланъ отвѣтилъ на рѣчь президента слѣдующими словами:

„Я не сумѣю достаточно выразить вамъ чувства искренней благодарности и вѣчной признательности за высказанную намъ громадную и дружественную симпатію со стороны французскаго народа. Мы нашли ее не только въ большихъ городахъ, но и въ малыхъ мѣстечкахъ, и даже въ хижинахъ. Когда объ этомъ узнаютъ въ Россіи, вездѣ, даже въ деревняхъ будутъ молить-

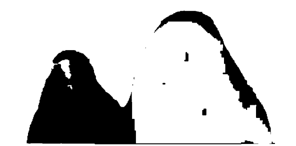
ся о величіи и процвѣтаніи Франціи. Я пью за здоровье г. президента республики и за славу и счастье всей страны".

Послѣ завтрака и прощальной аудіенціи, адмиралъ и офицеры эскадры отбыли въ *Cercle de l'Union artistique*, гдѣ въ честь ихъ было устроено музыкально-артистическое утро, и на театральной сценѣ кружка были исполнены оркестромъ различныя пьесы, членами-любителями — чтеніе стиховъ и пѣніе. Въ 6 часовъ, въ той же залѣ состоялся большой обѣдъ на сто кувертовъ, послѣ чего адмиралъ и офицеры наши отправились на парадное представленіе въ Большой Оперный театръ.

Какъ и въ предыдущіе дни, вся площадь передъ театромъ была залита свѣтомъ, и масса публики тѣснилась кругомъ по тротуарамъ. Длинныя вереницы каретъ подъѣзжали со всѣхъ улицъ, и множество приглашенныхъ входило черезъ двѣ большихъ двери на громадную, украшенную статуями и орнаментами, мраморную лѣстницу. При входѣ раздавались изящныя программы, а дамамъ — вѣера. Мало по малу вся зрительная зала наполнилась изящною публикой: блескъ несмѣтнаго количества

брилліантовъ, всевозможныхъ мундировъ, красивые нюансы роскошныхъ дамскихъ туалетовъ, бѣлые пластроны на черномъ фонѣ фраковъ, словомъ—здѣсь присутствовалъ *Tout Paris*, собравшійся чествовать въ храмѣ высокаго искусства, въ святилищѣ Таліи и Мельпомены, своихъ желанныхъ и дорогихъ гостей... Программа представленія, напечатанная по русски и по французски, была составлена изъ произведеній композиторовъ обѣихъ странъ, а именно: увертюра изъ оперы „Король Лагорскій" Массене, 4-й актъ оперы „Гамлетъ" Тома, „Гимнъ Виктора Гюго" Сенъ-Санса, „Саламбо" (картина на террасѣ) Кейера, отрывки изъ балета „Patrie" Паладиля, 5-й актъ изъ оперы „Фаустъ" Гуно, антрактъ и финалъ изъ оперы „Жизнь за Царя" Глинки, „Полонезъ" Чайковскаго, „Черкесскіе танцы" Рубинштейна, „Танцы на русскіе мотивы" Видаля, русскій народный гимнъ и апоѳеозъ. При входѣ адмирала и офицеровъ эскадры въ роскошно убранную почетную ложу, все общество встало и, повернувшись къ нимъ, привѣтствовало кликами: *vive la Russie!* — въ то время, какъ оркестръ исполнялъ нашъ

гимнъ. Вслѣдъ затѣмъ началось представленіе. Много аплодисментовъ выпало на долю артистовъ, и особенно г-жѣ Мельба въ роли Офеліи. Въ антрактахъ публика наполняла роскошное театральное фойе, гдѣ игралъ оркестръ республиканской гвардіи. Въ одинъ изъ перерывовъ адмиралъ Авеланъ посѣтилъ ложу президента республики, находившагося въ театрѣ. Но вотъ взвился занавѣсъ, и глазамъ зрителей представилась картина совсѣмъ русскаго характера. Богатые костюмы бояръ и боярынь изъ парчи и мѣховъ, красные сарафаны и кафтаны крестьянъ, современныя формы русскихъ и французскихъ матросовъ, обнимавшихъ другъ друга, производили оригинальное впечатлѣніе. Послѣ финала изъ „Жизни за Царя“, исполненнаго съ колокольнымъ звономъ, начался рядъ танцевъ подъ всевозможные русскіе мотивы, вызвавшихъ положительный восторгъ зрителей; особенно хороши были матросы, танцовавшіе „камаринскаго“ со всею удалью и пріемами русскаго человѣка. По окончаніи балета, за которымъ вся публика слѣдила съ живѣйшимъ интересомъ, послѣдовалъ апоѳеозъ, изображав-

шій Россію и Францію, въ видѣ молодыхъ женщинъ съ пальмами (вѣтвями мира) въ рукахъ, поднимающихся къ небесамъ на колесницѣ, запряженной четырьмя конями, а подъ нею въ облакахъ парилъ двуглавый русскій орелъ, держащій въ когтяхъ русскія и французскія знамена. Внизу, на сценѣ, вся группа актеровъ простирали къ нему руки. Апоѳеозъ, освѣщенный электричествомъ и бенгальскими огнями, сопровождался пушечнымъ салютомъ при звукахъ „Боже, Царя храни". Публика кричала: *vive le Tzar! vive la Russie!* и занавѣсъ, по единодушному требованію публики, поднимался три раза.

По окончаніи представленія была сдѣлана овація адмиралу и офицерамъ, которые, съ крикомъ *vive la France!* потребовали исполненія марсельезы. Это вызвало новыя ликованія публики, кричавшей: *vive l'amiral! vive la Russie!* Адмиралъ, подойдя къ барьеру и кланяясь, громкимъ голосомъ воскликнулъ: *Hourrah! pour la France!*—и снова началась, долго не прекращавшаяся, овація. Вся масса публики хлынула на подъѣздъ; дамы въ бальныхъ костюмахъ окружили коляски, пожимая

руки нашимъ офицерамъ и желая имъ счастливаго пути. Вся площадь дрожала отъ привѣтствій толпы, дожидавшейся выхода нашихъ моряковъ съ 7-ми часовъ вечера. Коляски отъѣзжали одна за другой на Ліонскій вокзалъ, въ сопровожденіи кирасиръ въ ихъ красивыхъ каскахъ съ конскими хвостами. Наши офицеры безъ шляпъ, большею частью стоя въ экипажахъ, кланялись во всѣ стороны. Словомъ, послѣднія минуты пребыванія русскихъ моряковъ въ Парижѣ останутся неизгладимыми въ памяти всѣхъ очевидцевъ. Каждаго поражала необыкновенная сердечность, отражавшаяся на всемъ происходившемъ. Послѣдній путь былъ настоящимъ тріумфомъ адм. Авелана и его товарищей. Съ трудомъ добрались экипажи до Ліонскаго вокзала, утопавшаго во флагахъ и гирляндахъ, гдѣ ихъ ожидали экстренные поѣздя, чтобы везти русскихъ гостей въ Ліонъ и Марсель, съ нетерпѣніемъ чаявшіе этого давно желаннаго посѣщенія. Изъ окрестностей Парижа нашимъ офицерамъ удалось полюбоваться лишь Версалемъ, устроившимъ имъ рѣдкій пріемъ.

Въ часъ и сорокъ минутъ по полуночи

русскіе моряки оставили Парижъ, съ гордостью въ сердцахъ увозя неизгладимыя воспоминанія объ этомъ всемірномъ городѣ и его сказочно-волшебномъ пріемѣ.

Ліонъ, 17-го октября.

Послѣ Тулона и Парижа, выпало на долю чествовать русскихъ гостей городу Ліону, этому французскому Манчестеру. Передъ ихъ пріѣздомъ населеніе города значительно увеличилось, такъ какъ до 200,000 ч. прибыло туда изъ различныхъ мѣстностей Франціи. Масса крестьянъ пришла изъ окрестныхъ общинъ и ночевала подъ открытымъ небомъ на площадяхъ и набережныхъ, въ ожиданіи русскихъ офицеровъ. Послѣднія работы по украшенію города были окончены ночью, наканунѣ пріѣзда моряковъ, среди всеобщаго оживленія. Можно сказать, что не было окна въ городѣ, которое не было бы художественно украшено. Погода продолжала баловать и хозяевъ, и гостей: съ самаго ихъ пріѣзда во Францію не было ни одного не только дождливаго, но даже сѣренькаго дня. И въ день посѣщенія Ліона яркіе солнечные лучи озаряли перспективу ліонскихъ улицъ, утопавшихъ

во флагахъ и зелени. Съ 9-ти часовъ все пространство вокругъ вокзала чернѣло народомъ. Въ 9 час. 48 мин. поѣздъ медленно подошелъ къ платформѣ, при пушечныхъ выстрѣлахъ и звонѣ колоколовъ всѣхъ городскихъ церквей. Звуки музыки 52-го полка, игравшей „Боже, Царя храни", сливались съ кликами *vive la Russie!* Пріѣхавшихъ встрѣтилъ мэръ гор. Ліона, г. Гальешонъ, во главѣ различныхъ депутацій, и пригласилъ всѣхъ въ салонъ, отдѣланный гранатовымъ бархатомъ съ серебряными украшеніями, уставленный пальмами и другими тропическими растеніями. Здѣсь одна изъ городскихъ дамъ поднесла нашему адмиралу громадный букетъ цвѣтовъ. Когда кортежъ изъ 32-хъ колясокъ покатился по улицамъ, восторгъ толпы достигъ крайнихъ предѣловъ: *vive le Tzar! vive la Russie!* неслось со всѣхъ сторонъ. При выходѣ изъ вокзала, депутація старыхъ моряковъ также поднесла адмиралу великолѣпный букетъ. На улицахъ, одна за другой, слѣдовали ряды тріумфальныхъ арокъ съ различными привѣтственными надписями. На площади Белькуръ высился громадный портикъ,

воздвигнутый муниципалитетомъ. Кортежъ, съ трудомъ пробираясь черезъ несмѣтную толпу, достигъ наконецъ зданія *Hôtel de Ville*. Здѣсь гостей встрѣтили сенаторы, депутаты и муниципальный совѣтъ въ полномъ составѣ. Прелестная маленькая дѣвочка, лѣтъ 10-ти, одѣтая въ трехцвѣтное платье, поднесла адмиралу два букета цвѣтовъ отъ муниципальныхъ школъ и сказала привѣтственную рѣчь на прекрасномъ русскомъ языкѣ. Дѣвочка сдѣлалась предметомъ особаго вниманія всѣхъ офицеровъ, обрадованныхъ возможностью поговорить съ нею на родномъ языкѣ. Затѣмъ послѣдовало представленіе ряда делегацій, подносившихъ, одна за другою, богатые подарки, въ большинствѣ случаевъ, рѣдкія произведенія искусства. Первымъ изъ нихъ явился подарокъ гор. Ліона Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ, состоящій изъ рѣдкихъ, богатѣйшихъ шелковыхъ матерій. Синдикатъ негоціантовъ поднесъ офицерамъ два знамени изъ золота и шелка, и кромѣ того— подарокъ адмиралу. По настоянію народа, адмиралъ долженъ былъ показаться на балконѣ, причемъ повторились тѣ же

сцены, чтó въ Парижѣ и Тулонѣ. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ завтракъ въ префектурѣ, за которымъ говорили рѣчи: префектъ города, адмиралъ Авеланъ и президентъ генеральнаго совѣта. Во всѣхъ этихъ рѣчахъ было подчеркнуто то необыкновенное радушіе и громадный энтузіазмъ, съ которымъ эскадра наша была принята во Франціи, и всемірное значеніе этого историческаго событія. Послѣ завтрака послѣдовало посѣщеніе выставки, гдѣ президентъ ея поднесъ восемь знаменъ: одно—для Государя Императора, второе — для адмирала Авелана, а остальныя — для судовъ эскадры. Около шести часовъ состоялся обѣдъ въ городской думѣ на 400 человѣкъ. Меню было напечатано на двухъ языкахъ, въ переплетахъ изъ желтаго шелка съ гербомъ Ліона и его девизомъ:

„*Suis le lion, qui ne mords pas*
„*Sinon, quand l'ennemi me poingt*“.

Послѣ тоста за Государя Императора и Царствующій Домъ, мэръ произнесъ рѣчь, въ которой привѣтствовалъ нашихъ офицеровъ, какъ посланниковъ мира, сыновъ великой націи. Адмиралъ отвѣчалъ прочувствованными словами, въ которыхъ

подчеркнулъ значеніе Ліона для всей Россіи, и выпилъ за здоровье президента республики и процвѣтаніе города. Послѣ обѣда адмиралъ вышелъ на балконъ; толпа была положительно величественна въ своемъ энтузіазмѣ, соединенномъ съ замѣчательнымъ тактомъ. Надъ этимъ моремъ головъ пестрѣли знамена и разноцвѣтные фонари, которыми радостные ліонцы махали во всѣ стороны, привѣтствуя адмирала и офицеровъ. Вечеромъ состоялся венеціанскій праздникъ на рѣкѣ Саонѣ *(Saône)*. Множество пароходовъ и шлюпокъ, освѣщенныхъ фонарями и бенгальскими огнями, иллюминація города и холма *Fourrière*, ружейные выстрѣлы, музыка—все это придавало празднеству чарующій характеръ. Это зрѣлище смѣнилось параднымъ спектаклемъ въ театрѣ. При входѣ нашихъ офицеровъ въ почетную ложу (шелъ второй актъ „Самсона и Далилы"), представленіе было прервано, и артисты исполнили нашъ гимнъ, повторенный, по требованію публики, три раза. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ театрѣ, адмиралъ и его свита отбыли на вокзалъ при громкихъ кликахъ ликующаго народа; женщи-

ны и дѣти обнимали нашихъ офицеровъ, мущины жали имъ руки, тѣснясь къ экипажамъ и рискуя быть раздавленными. Происходило нѣчто невѣроятное. Съ трудомъ доѣхали экипажи до вокзала. Передъ отъѣздомъ адмиралъ благодарилъ мэра и просилъ передать населенію глубокую признательность свою и всѣхъ офицеровъ за сказочный пріемъ, оказанный имъ городомъ Ліономъ. По отходѣ поѣзда начался рядъ празднествъ, продолжавшійся всю ночь, и толпы, нося русскіе флаги, оглашали улицы пѣніемъ марсельезы.

Въ заключеніе можно привести исключительный случай патологической экзальтаціи, показывающій, до какой степени повліяло на умы посѣщеніе русской эскадры. Въ моментъ отъѣзда русскихъ моряковъ изъ Парижа, одна молодая женщина, одѣтая въ трехцвѣтное платье, съ крикомъ „*voir les Russes et puis mourir!*" бросилась съ моста въ Сену. Несмотря на всѣ усилія спасти, было уже поздно, и ее, бездыханную, вытащили изъ воды. Несчастная закочепѣвшими руками прижимала къ груди связанные вмѣстѣ русскій и французскій флаги.

Марсель, 14-го октября.

Старшій братъ Тулона, богатый Марсель, съ завистью оставался безучастнымъ свидѣтелемъ всѣхъ, такъ близко отъ него происходившихъ, торжествъ, отчаяваясь, какъ бы ему не пришлось совсѣмъ отказаться отъ всякаго активнаго въ нихъ участія; но на его счастье, адмиралу Авелану удалось и ему удѣлить нѣсколько часовъ. Съ утра 14-го октября весь городъ расцвѣтился флагами, гирляндами, мачтами съ аллегорическими знаменали и гербами, и былъ готовъ къ принятію дорогихъ гостей.

При соединеніи бульваровъ *du Nord* и *Dugommier* возвышалось двое тріумфальныхъ воротъ: на однихъ была надпись: „Марсель Васъ привѣтствуетъ"; она же была повторена и на провансальскомъ нарѣчіи. На другихъ воротахъ красовалось: *Vive l'armée! Vive la marine! Vive la paix!* На улицѣ *Cannebière* была воздвигнута арка съ гербомъ Марселя и его древнимъ девизомъ, уничтоженнымъ Людовикомъ XIV: „*Sub cujus imperio summa libertas*". Одно изъ судовъ эскадры, канонерка „Терецъ", подъ командою капитана 2-го ранга Лощинскаго, прибыла изъ

Тулона на Марсельскій рейдъ въ сопровожденіи французскаго фрегата „Патиньи". „Терецъ" былъ встрѣченъ пароходомъ *Mouche*, который поднесъ его экипажу прекрасный букетъ. Съ массы яхтъ и шлюпокъ, вышедшихъ на встрѣчу нашей канонеркѣ, при звукахъ музыки забросали всю палубу ея цвѣтами. Кварталъ С.-Жанъ около котораго она бросила якорь, былъ, залитъ народомъ, привѣтствовавшимъ появленіе русскаго флага; съ берега неслись звуки „Боже Царя храни", а съ „Терца" звуки марсельезы.

При подходѣ поѣзда съ адмираломъ Авеланомъ, 141-й пѣхотный полкъ, разставленный шпалерами вдоль полотна дороги, взялъ „на-караулъ", музыка заиграла встрѣчу, головы несмѣтной толпы обнажились, и гулъ привѣтствій понесся со всѣхъ сторонъ. На рѣчь г. Дефе, префекта департамента *Bouches-de-Rhône*, адмиралъ отвѣчалъ: „Очень вамъ благодаренъ за выраженныя вами чувства, Я горжусь быть сегодня гостемъ вашей чудной страны". Затѣмъ послѣдовалъ отъѣздъ въ префектуру, при чемъ нашъ адмиралъ сѣлъ въ коляску съ префектомъ, президентомъ

генеральнаго совѣта и командиромъ 15-го корпуса. Восторгъ народа не зналъ предѣловъ и выражался со свойственною югу горячностью. Здѣсь опять появились на сцену конфетти и *serpentins*, образовавшія сплошную сѣть, которая искусно обвивала одну за другою коляски русскихъ офицеровъ, утопавшихъ въ цвѣтахъ. Разставленные по пути оркестры исполняли поперемѣнно нашъ гимнъ и марсельезу.

На площади С.-Ферсоль кортежъ долженъ былъ остановиться, въ виду невозможности сразу очистить проѣздъ. На улицѣ *Cannebière* многочисленное духовенство съ балконовъ привѣтствовало кортежъ апплодисментами. Около префектуры площадь была занята различными обществами и делегаціями съ ихъ знаменами, и несмѣтною толпой, махавшею флагами и покрывшею всѣ крыши окрестныхъ домовъ. При приближеніи адмирала, было выпущено на волю 2,000 голубей, которые долго вились надъ ликующимъ городомъ, въ голубомъ эфирѣ безоблачнаго южнаго неба. При входѣ въ префектуру, адмирала привѣтствовало духовенство при крикахъ: „*Vive le Tzar! Vive la Russie!*

Въ пріемномъ салонѣ гостей встрѣтилъ министръ финансовъ г. Пейтраль, который представилъ адмиралу сенаторовъ и депутатовъ департамента „устьевъ Роны“. Послѣ префектуры послѣдовало посѣщеніе штаба 15-го корпуса, а затѣмъ *Hôtel de ville*, гдѣ меръ выразилъ адмиралу чувства живѣйшей симпатіи муниципалитета и безграничной радости населенія, удостоившагося принимать у себя такъ давно жданныхъ и дорогихъ гостей. Энтузіазмъ народа, задерживавшаго экипажи при проѣздѣ, замедлилъ завтракъ въ залѣ библіотеки на полтора часа. Присутствовавшій на немъ министръ финансовъ произнесъ первый тостъ за здоровье Государя Императора и всей Царской Фамиліи, и слѣдующій за адмирала Авелана и его доблестную эскадру. Адмиралъ отвѣчалъ на это слѣдующею рѣчью: „Со времени нашего пріѣзда въ вашу страну, каждый городъ заставляетъ усиленно биться наши сердца. Марсель, властелинъ Средиземнаго моря, вызвалъ еще большій ихъ трепетъ. Его привѣтствія намъ тѣмъ болѣе дороги, что они исходятъ вмѣстѣ отъ французовъ и моряковъ. Я пью за здоровье президента рес-

публики, за величіе и процвѣтаніе Марселя, его моряковъ, обитателей и женщинъ". Задушевныя слова адмирала вызвали цѣлую бурю восторговъ. *Vive le Tzar, vive la Russie, vive l'amiral!* долго не умолкали.

Послѣ завтрака послѣдовала грандіозная *bataille des fleurs*, въ концѣ которой цвѣточный дождь, лившійся отовсюду на нашихъ офицеровъ, смѣнился настоящимъ, что отчасти измѣнило программу предстоявшихъ еще празднествъ. Впрочемъ, состоялся банкетъ въ обширномъ саду префектуры. Въ глубинѣ его было помѣщено громадное золотое солнце, подъ нимъ — бюстъ республики, задрапированный шелковою желтою матеріей съ надписью: „*Amis, soyez les bienvenus*". Все пространство кругомъ было окаймлено русскими и французскими знаменами. Во время банкета, сопрождавшагося обмѣномъ дружественныхъ рѣчей, адмиралу былъ поднесенъ медальйонъ съ изображеніемъ Государя Императора, а также великолѣпный хронометръ, на мраморномъ цоколѣ котораго былъ художественно исполненъ эмалью гербъ г. Марселя.

Послѣ обѣда состоялся пріемъ много-

численныхъ делегацій. Несмотря на сильный дождь, толпа на улицахъ не убывала; съ наступленіемъ темноты по всему городу зажглась иллюминація. Къ 10-ти часамъ вечера всѣ присутствовавшіе отправились въ городской театръ на представленіе, сборъ съ котораго, какъ и въ Ліонѣ, былъ предназначенъ въ пользу семействъ моряковъ, погибшихъ на „Русалкѣ". При входѣ нашихъ офицеровъ въ почетную ложу, представленіе было прервано и всѣми артистами исполненъ былъ русскій гимнъ. Адмиралъ провозгласилъ „ура" за Францію. Вслѣдъ за тѣмъ раздались торжественные звуки марсельезы. Оживленіе царило необыкновенное... 4-й актъ оперы „Фаустъ" былъ прослушанъ до конца, послѣ чего, въ 11½ часовъ вечера, при рукоплесканіяхъ и кликахъ публики, адмиралъ Авеланъ и его офицеры отбыли на вокзалъ. Тамъ, та же несмѣтная толпа, остававшаяся все время подъ проливнымъ дождемъ, проводила отходившій поѣздъ возгласами: „*vive la Russie*".

Тулонъ, 15-го октября.

Тулонъ, на время оставшійся въ тѣни за блескомъ и шумомъ парижскихъ и другихъ праздниковъ, съ возвращеніемъ адмирала Авелана снова занялъ свое первенствующее мѣсто. Но и въ отсутствіе старшихъ членовъ эскадры онъ не переставалъ гостепріимно раскрывать свои объятія нашимъ морякамъ. Балы и праздники разнаго рода не переставали смѣняться, и ихъ торжественный діапазонъ не былъ ослабленъ ни на минуту. На улицахъ къ старымъ прибавлялись еще новыя многочисленныя декораціи. Даже на церквахъ всюду были прибиты щиты съ изреченіями на русскомъ и французскомъ языкахъ: *Dieu garde le Tzar! Dieu protége la France!* Во всемъ городѣ попрежнему царило оживленіе, но апоѳеозомъ всѣхъ тулонскихъ празднествъ былъ пріѣздъ въ городъ главы государства, президента республики, для личнаго привѣтствованія русскаго флага и всей Средиземноморской эскадры. Г. Карно былъ встрѣченъ на вокзалѣ всѣми мѣстными властями и адмираломъ Авеланомъ съ командирами судовъ. Прослѣдовавъ между шпалерами выстроенныхъ по пути

войскъ и делегацій въ зданіе морской префектуры, г. президентъ пробылъ тамъ короткое время и отплылъ на паровомъ катерѣ подъ національнымъ флагомъ съ инициаломъ *C* къ ожидавшимъ его французскимъ и русскимъ судамъ, въ сопровожденіи адмираловъ и лицъ его свиты; за катеромъ президента послѣдовало еще девять катеровъ, съ мѣстными военными и гражданскими властями.

Взойдя, при громѣ салюта, на броненосецъ „Формидабль" и принявъ представлявшихся ему офицеровъ съ судовъ французскихъ эскадръ, г. Карно привѣтствовалъ адмирала Авелана и командировъ нашихъ судовъ, и начальникъ нашей эскадры поспѣшилъ еще разъ выразить чувства признательности къ французскому правительству и народу, оказавшимъ русскому флагу такой небывало блестящій пріемъ. Нѣсколько времени спустя, президентъ республики отбылъ къ русскимъ судамъ, привѣтствовавшимъ его орудійнымъ салютомъ и поднятіемъ французскихъ флаговъ. При громкихъ кликахъ „ура" нашихъ матросовъ, президентскій катеръ медленно обошелъ всѣ суда эскадры и при-

сталь къ „Императору Николаю“, гдѣ былъ встрѣченъ внизу на трапѣ адмираломъ, при звукахъ марсельезы. Осмотрѣвъ броненосецъ, г. Карно посѣтилъ адмиральскую каюту, гдѣ провелъ нѣсколько минутъ, дружески бесѣдуя съ нашимъ адмираломъ, который не преминулъ выразить ему свою глубокую признательность за новый знакъ вниманія, оказанный Средиземноморской эскадрѣ. Вслѣдъ затѣмъ президентъ республики посѣтилъ броненосецъ „Адмиралъ Нахимовъ“. Въ 11 час. г. Карно покинулъ русскую эскадру при громѣ салюта и несмолкавшихъ восторженныхъ „ура“ матросовъ, посланныхъ по реямъ.

Въ два часа того же дня послѣдовалъ торжественный спускъ новаго французскаго броненосца „Jauréguiberry“, строившагося въ докахъ предмѣстья Тулона „La Seyne“. Вся набережная была наводнена народомъ; на рейдъ прибыло много пароходовъ съ публикою изъ Марселя и Ниццы; около нихъ тѣснилась громадная флотилія яхтъ и лодокъ. На спускѣ присутствовали г. президентъ республики, министры, власти и всѣ русскіе офицеры со своимъ адмираломъ. Громадныя трибуны были

полны нарядными дамами. При благословеніи броненосца, епископъ Фреюсъ, обратившись къ адмиралу Авелану, произнесъ: „Докладывая Царю объ оказанномъ вамъ пріемѣ, передайте Ему, что Франція молится за Него и за великій русскій народъ, точно также, какъ она молится за тѣхъ, кто руководитъ ея судьбами". Выразившись затѣмъ о русскихъ морякахъ, какъ о крестныхъ отцахъ новаго дѣтища французскаго флота, епископъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Да содѣлаетъ дружба между Россіею и Франціею изъ этихъ двухъ государствъ стражей и распорядителей мира!"

Послѣ церемоніи освященія, были выбиты послѣднія подпорки, и новорожденный гигантъ съ возрастающею скоростью поспѣшилъ вспѣнить воды Средиземнаго моря и присоединиться къ своимъ русскимъ и французскимъ товарищамъ. Въ семь часовъ состоялся обѣдъ, данный въ морской префектурѣ президентомъ республики, который покинулъ Тулонъ на другой день утромъ, въ половинѣ десятаго При проводахъ присутствовали адмиралъ Авеланъ и всѣ старшіе офицеры эскадры.

Передъ самымъ отъѣздомъ г-на Карно, имъ была получена изъ Гатчины, отъ Государя Императора, телеграмма слѣдующаго содержанія.: „Въ ту минуту, когда русская эскадра оставляетъ Францію, Мнѣ пріятно выразить Вамъ, какъ Я тронутъ горячимъ и блестящимъ пріемомъ, который Мои моряки встрѣчали повсюду на французской землѣ, и какъ за то признателенъ. Доказательства живой симпатіи, проявившіяся еще разъ такъ краснорѣчиво, прибавятъ новое звено къ узамъ, соединяющимъ обѣ страны, и надѣюсь, будутъ содѣйствовать упроченію общаго мира, предмета ихъ усилій и самыхъ постоянныхъ желаній.

Александръ.

Чтеніе этой телеграммы, которую г. Карно тотчасъ же сообщилъ всѣмъ присутствующимъ, вызвало всеобщее необычайно радостное волненіе и произвело громадное впечатлѣніе. Отвѣтъ президента республики Государю Императору былъ слѣдующій: „Телеграмма, за которую благодарю Ваше Императорское Величество получена мною передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Тулона въ Парижъ.

Превосходная эскадра русскаго флота, которую я имѣлъ живѣйшее удовольствіе привѣтствовать въ французкихъ водахъ, сердечный и искренный пріемъ, который Ваши храбрые моряки находятъ повсемѣстно во Франціи, снова подтверждаютъ блистательнымъ образомъ искреннія симпатіи, соединяющія наши двѣ страны и обозначаютъ глубокую вѣру въ благотворное вліяніе, которое могутъ совмѣстно оказывать двѣ великія націи, преданныя дѣлу мира.

Тулонъ, 17-го октября.

Одновременно съ телеграммою Государя Императора, барономъ Моренгеймомъ была получена таковая же отъ министра иностранныхъ дѣлъ, г. Гирса, слѣдующаго содержанія:

„Государь Императоръ поручилъ Вамъ передать Его искреннюю благодарность всѣмъ органамъ правительственной власти, равно какъ и представителямъ всѣхъ классовъ обществъ, которые принимали участіе въ блестящемъ и дружескомъ пріемѣ русской эскадры во Франціи. Его Величество очень тронутъ выраженіями симпатіи и

дружбы, такъ прекрасно выраженныхъ въ данномъ случаѣ. Государь телеграфируетъ президенту республики".

„Гирсъ".

Телеграмма эта была сообщена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ всѣмъ префектамъ Франціи и, подобно первой, вызвала живѣйшій восторгъ среди всего населенія.

Наканунѣ своего отъѣзда изъ Тулона, адмиралъ и офицеры Средиземноморской эскадры устроили *matinée dansante* на своей плавучей территоріи, необыкновенно удавшееся и привлекшее все тулонское высшее общество. Для этой цѣли „Память Азова" и „Рында" были соединены между собою двумя мостиками, изъ которыхъ второй былъ поставленъ вслѣдствіе сильнаго стеченія публики во время самаго дневнаго бала и притомъ со свойственной морякамъ быстротою. На обоихъ судахъ снасти, мачты и борты исчезли подъ массою всевозможныхъ украшеній и цвѣтовъ, надъ палубами были раскинуты громадные тенты. Повсюду виднѣлись сочетанія русскихъ и французскихъ цвѣтовъ, били фонтаны, красиво выдѣлялись надписи изъ бѣлыхъ цвѣ-

товъ: Тулонъ, Кронштадтъ, „Память Азова“ и „Рында“. Не будь молчаливаго, грознаго присутствія орудій, никто изъ присутствующихъ и не подумалъ бы, что находится на борту броненосца.

Танцовальная зала была устроена на „Памяти Азова“, гдѣ помѣстился прекрасный нашъ оркестръ. Любезный хозяинъ, адмиралъ Авеланъ, радушно принималъ всю массу приглашенныхъ, спѣшившихъ своимъ присутствіемъ засвидѣтельствовать свои чувства русской эскадрѣ. Балъ продолжался до вечера и отличался необыкновеннымъ оживленіемъ. Во время бала было роздано 4,000 медалей на память о посѣщеніи Тулона русскими моряками, а всѣмъ дамамъ — розданы ленты съ названіями судовъ эскадры.

Вечеромъ всѣ французскія суда зажгли въ послѣдній разъ въ честь своихъ русскихъ товарищей блестящую иллюминацію.

Утромъ 17-го, въ день отъѣзда, адмиралъ Авеланъ сдѣлалъ прощальный визитъ мэру гор. Тулона, г. Ферреро, при чемъ выразилъ ему чувства грусти при разставаніи съ городомъ, которымъ сдѣланъ былъ эскадрѣ

такой родственный пріемъ. На память объ этомъ событіи адмиралъ передалъ мэру картину, изображающую всѣ суда эскадры.

Г. Ферреро выразилъ чувства глубокаго сожалѣнія при разставаніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и надежду, что Тулонъ не останется на будущее время чужимъ для русской эскадры въ Средиземныхъ водахъ. Адмираломъ Авеланомъ были сдѣланы также прощальные визиты командирамъ обѣихъ французскихъ эскадръ и мѣстнымъ властямъ. Съ ранняго утра русскія суда разводили пары, вся набережная покрыта была мѣстнымъ населеніемъ, собравшимся проводить своихъ друзей. Ровно въ два часа двинулся въ путь „Императоръ Николай", обмѣниваясь прощальнымъ салютомъ съ французскими судами. Посланные по реямъ матросы махали фуражками, и громкимъ „ура" прощались съ Франціею, такъ сердечно ихъ принимавшею; музыка наша все время играла „марсельезу".

Вслѣдъ затѣмъ двинулся фрегатъ „Память Азова", далѣе „Адмиралъ Нахимовъ", „Рында" и наконецъ „Терецъ". Французскіе броненосцы „Даву и Леже", съ десятью миноносками, вошли въ море провожать эска-

дру. Прекрасный день открывалъ чудную перспективу морской дали и безоблачнаго южнаго неба. Собравшiяся на берегу несмѣтныя толпы народа съ грустью слѣдили за постепенно удалявшимися русскими судами. Скоро они, обратившись въ черныя точки, исчезли на горизонтѣ въ яркомъ сiянiи солнечнаго дня, и только волны Средиземнаго моря, вспѣненныя ихъ быстрымъ бѣгомъ, казалось несли берегамъ Францiи послѣднiй, полный сердечной признательности, прощальный привѣтъ русской Средиземноморской эскадры.

Парижъ
20 октября 1893 года.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

При такой то по истинѣ изумительной, невѣроятной обстановкѣ состоялся пріемъ всею Франціей русской Средиземно-морской эскадры, всею Францію не только потому, что всѣ департаменты страны приняли живое участіе въ чествованіи русскихъ моряковъ, но и потому что каждая бѣднѣйшая деревушка разцвѣтилась русскими флагами, и изо всѣхъ отдаленныхъ уголковъ Франціи несся дружный кликъ „Vive la Russie". Радость народа была выше всякихъ описаній, и, не смотря на удивленіе мнимому легкомыслію французовъ и ихъ способности быстро увлекаться со стороны другихъ государствъ, свидѣтелей Тулонскихъ и Парижскихъ торжествъ,—радость эта была очень понятна. Государство, вписавшее въ скрижали всемірной исторіи, самыя блестящія страницы, государство,

стоящее впереди другихъ на пути прогресса и цивилизаціи, государство, обладающее громадными богатствами, волею рока, послѣ Седанскаго погрома, двадцать три года оставалось одно, изолированное ненавистью его сосѣдей, жаждавшихъ только одного: воспользовавшись его временнымъ послѣ войны упадкомъ силъ, окончательно стереть съ лица земли всю французскую націю. Каждый шагъ французовъ къ улучшенію своего тяжкаго положенія отравлялся сознаніемъ, что усиленная работа ихъ въ этомъ направленіи будетъ прервана на половинѣ, и опасенія ихъ были не напрасны: какъ извѣстно, въ 1875 году Франція рисковала новой войной, заставшей бы ее въ расплохъ, и только Россія остановила этотъ Дамокловъ мечъ, готовый обрушиться на только начинавшую оправляться отъ страшныхъ бѣдствій страну. Съ этого года въ сердца французовъ запала глубокая, неизгладимая признательность къ Россіи, которая начала быстро рости благодаря все болѣе и болѣе увеличивавшимся симпатіямъ обѣихъ странъ. Симпатіи эти выросли, какъ на основаніи сходства ха-

рактера обоихъ великихъ народовъ, такъ и на почвѣ общихъ стремленій оплота противъ германизма, стремящагося охватить силой чуть ли не всю Европу. Альтрюизмъ, присущій французской и славянской расамъ, возмущался по существу противъ варварскаго эгоизма Тевтонцевъ, и оба народа, чувствуя въ себѣ божественный огонь любви къ ближнему, такъ освѣщающій наше земное существованіе, кончили тѣмъ, что протянули другъ другу руки, именно въ силу этой истинно человѣческой любви. Потому то пріемъ русской эскадры Франціею не могъ быть дѣломъ только правительства или какой либо партіи. То обстоятельство, которое выдвинуло Тулонское свиданіе на степень небывалаго историческаго факта первостепенной важности, заключалось именно въ союзѣ сердецъ обоихъ государствъ, иначе никакія силы въ мірѣ не заставили бы 40 милліоновъ французовъ дѣйствовать по единому внутреннему побужденію. До сихъ поръ Исторія дала намъ много примѣровъ всевозможныхъ политическихъ союзовъ, заключенныхъ благодаря искусству прави-

телей и дипломатовъ. Они, какъ искусственные, переживали лишь тотъ срокъ, который былъ въ предѣлахъ условій того или другаго рода политики; народъ оставался лишь безмолвнымъ, пассивнымъ свидѣтелемъ заключаемыхъ конвенцій, договоровъ и на своей спинѣ выносилъ ихъ зачастую тягостныя послѣдствія. Эта временная спайка слетала и исчезала безслѣдно при первомъ же уклоненіи въ нежелательную для союза сторону и превращалась въ непримиримую вражду между бывшими союзниками.

Въ сближеніи же Россіи съ Франціей не было ничего не только вынужденнаго, но никто даже не старался доказывать практическую выгоду, какого бы то ни было, союза. Одну страну влекло почему то къ другой. Вспомнимъ напримѣръ толпу народа передъ думой въ Петербургѣ, выдѣлившую изъ себя депутатовъ, поднесшихъ на собранныя тутъ же завѣтныя копѣйки подарки адмиралу Жерве; могла ли ей руководить, какая бы то ни было политика. Нѣтъ, это былъ безотчетный, сердечный порывъ, который нашелъ себѣ требуемый исходъ въ безхитростномъ

подношеніи; точно также не политика заставляла несмѣтныя толпы французовъ тѣсниться около экипажей русскихъ офицеровъ, и, рискуя задохнуться и быть раздавленными, стремиться, хоть пожать ихъ руки. Это было для каждаго только нравственнымъ удовлетвореніемъ. Избытокъ сердечнаго порыва находилъ себѣ необходимый внѣшній исходъ. Вотъ почему такъ поразили весь міръ Парижскія и Тулонскія торжества: въ нихъ почувствовалось нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ то, что встрѣчалось до сихъ поръ въ международныхъ отношеніяхъ. Общее изумленіе вызывалось еще и тѣмъ, что въ республиканской странѣ при существованіи партій всевозможныхъ оттѣнковъ, до анархистовъ и террористовъ включительно, не раздалось за весь періодъ празднествъ ни одного демонстративнаго возгласа, ни одинъ фальшивой акордъ не нарушилъ общей гармонической мелодіи. Не только ни въ одной изъ произнесенныхъ рѣчей не слышно было „брацанія оружіемъ“, въ милліонныхъ толпахъ ни разу не прорвался звукъ, въ коемъ бы выразилась надежда на возможность „ре-

ванша“, фантомъ котораго почему то мѣшаетъ спокойно спать ихъ восточнымъ сосѣдямъ; необыкновенный тактъ народа за все это время не поддавался никакому описанію. Не вѣрилось, чтобы это была та самая толпа, которая свергала, и казнила своихъ королей, для которой слово „революція“ было обычнымъ, которая не знала никогда чувства мѣры въ своихъ страстяхъ и желаніяхъ. „Что съ нею сдѣлалось? она положительно неузнаваема!“ говорили люди, хорошо знающіе эту капризную толпу. И по истинѣ она была величественна во всѣхъ проявленіяхъ своей радости, по такту и сдержанности въ соединеніи съ энтузіазмомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что поведеніе ея, именно этой народной массы, болѣе всего остальнаго оставило неизгладимое впечатлѣніе въ очевидцахъ этого небывалаго событія.

Газеты и журналы, въ деталяхъ воспроизводившіе въ рисункахъ и описывавшіе рядъ франко-русскихъ торжествъ ежедневно въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, брались чуть ли не съ боя. Кокарды, медали, ленты распродавались въ неимовѣрномъ количествѣ. Французскія

дамы прятали на память перчатки, къ которымъ прикасались руки русскихъ офицеровъ. Во всей странѣ не хватило флажной матеріи: ее пришлось выписывать изъ за границы. Въ типографіяхъ не доставало буквъ S, которыя пришлось отливать вновь, такъ часто повторялось слово „Russie“. Адмиралъ и офицеры были завалены десятками тысячъ писемъ самаго трогательнаго содержанія, на которыя конечно немыслимо было тотчасъ отвѣчать. Слова „Russie“ и „Russe“ было на устахъ каждаго парижанина во всякую минуту дня. Въ салонахъ, на всѣхъ частныхъ собраніяхъ, обѣдахъ и ужинахъ первый тостъ былъ за Императора Всероссійскаго. Прибывавшіе со всѣхъ концовъ Франціи подарки поражали, какъ своимъ великолѣпіемъ, такъ и количествомъ; немыслимо было бы перечислить ихъ всѣ— это составило бы отдѣльную книгу; ограничимся перечисленіямъ тѣхъ категорій, къ которымъ они отнесены: 1) подарки, предназначенные для Императорской фамиліи, состоящіе изъ избранныхъ предметовъ искусства, 2) подарки, предложенные Россіи, 3) вещи, поднесенныя рус-

скому флоту, 4) подарки адмиралу Авелану и 5) подарки офицерамъ и нижнимъ чинамъ эскадры. Въ послѣднюю категорію вошли самые разнообразные предметы, какъ-то: золотыя издѣлія, велосипеды, туалетные несессеры, коньки, ящики съ винами и ликерами, сигары, канцелярскія принадлежности, рѣдкія книги, медали, платки, щетки и т. п. Общая стоимость всѣхъ подношеній составила громаднѣйшую сумму. Большинство подарковъ сопровождалось самыми прочувствованными, сердечными адресами.

Если съ одной стороны французская республика и народъ употребили всѣ усилія, чтобы достойно принять своихъ давно желанныхъ, дорогихъ гостей, то эти послѣдніе сдѣлали все, чтобы окончательно обворожить всѣ классы общества и оставить по себѣ неизгладимыя воспоминанія: замѣчательный свѣтскій тактъ нашихъ офицеровъ былъ все время отмѣчаемъ чуткими французами и вызывалъ всеобщій восторгъ. Всѣ были просто поражены, откуда ихъ гости могли находить силъ, для любезныхъ отвѣтовъ на безчисленныя, сочувственныя демонстра-

ціи, продолжавшіяся безъ перерыва въ продолженіе двухъ недѣль. Не было ни одного приглашенія, которое было бы оставлено безъ вниманія адмираломъ Авеланомъ и офицерами эскадры. На иныя, какъ напримѣръ въ концертъ „Фигаро", пришлось являться въ часъ или два ночи послѣ наполненнаго утомительными торжествами дня, а на слѣдующее утро къ восьми часамъ всѣ должны были быть готовы для дальнѣйшихъ празднествъ и пріемовъ. Кромѣ всего этого, было нѣсколько поступковъ, которые вызвали со стороны французскаго общества живѣйшую признательность и произвели глубокое впечатлѣніе. Первое изъ нихъ мѣсто заняло участіе нашихъ моряковъ къ національному горю Франціи при смерти Маршала Макъ Магона, присутствіе всѣхъ офицеровъ in corpore на похоронахъ и возложеніе ими роскошнаго вѣнка на гробъ храбраго вождя послѣдней франко-прусской войны.

Не малое впечатлѣніе произвели также: отказъ нашихъ офицеровъ принять участіе въ танцахъ на балу въ Hôtel de Ville, вслѣдствіе только что полученнаго извѣ-

стія о кончинѣ маршала, и визитъ, сдѣланный адмираломъ Авеланомъ и командирами судовъ Парижскому архіепископу; это послѣднее обстоятельство не только послужило къ ряду дальнѣйшихъ сочувственныхъ демонстрацій со стороны французскаго духовенства, но нашло и сердечный откликъ въ Ватиканѣ, когда Папа Левъ XIII оффиціально поздравилъ президента республики съ необыкновеннымъ, всеобщимъ успѣхомъ франко-русскихъ торжествъ, какъ залогомъ всеобщаго міра.

Кромѣ всего вышесказаннаго нужно замѣтить, что вся, враждебная происходившимъ торжествамъ, иностранная пресса, при всемъ желаніи представить въ ложномъ свѣтѣ какой либо фактъ или поступокъ съ той или другой стороны оказалась не въ состояніи извратить или подмѣтить что либо достойное порицанія въ поведеніи, какъ хозяевъ, такъ и гостей, и въ безсильной злобѣ призналась всенародно, что міръ не видѣлъ еще торжествъ, подобныхъ пріему русской эскадры французской республикой. Послѣднимъ отголоскомъ этого сказочнаго, всемірнаго праздника явился пріемъ нашихъ

броненосцевъ островомъ Корсикой и его главнымъ городомъ Аяччіо. Здѣсь на „Императорѣ Николаѣ“ одинъ изъ матросовъ погибъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, отъ случайнаго скопленія газовъ въ каютѣ, и эта жертва долга была предана землѣ съ почестями, оказываемыми Франціею лишь народнымъ героямъ. Всевозможныя общества и депутаціи съ окутанными флеромъ знаменами приняли участіе въ погребеніи простаго русскаго моряка, запечатлѣвшаго своей безвременной кончиной духовную связь между двумя народами. Масса вѣнковъ была возложена на его могилу, которая была объявлена неприкосновенною на вѣчныя времена. Меръ въ прочувствованной рѣчи между прочимъ выразился, что усопшему будетъ отрадно лежать на своей второй родинѣ, окруженному памятью и заботами гражданъ Аяччіо.

Оффиціальною санкціею этого великаго историческаго событія явилась слѣдующая рѣчь президента французскаго сената г. Шальмель Лакура при открытіи законодательной сессіи:

„Господа́ сенаторы! Прежде чѣмъ сенатъ приступитъ къ трудамъ начинающейся сессіи, полагаю, что его президенту слѣдуетъ въ этомъ же первомъ засѣданіи упомянуть о томъ, чего мы нѣсколько недѣль тому назадъ были свидѣтелями, и на что было обращено вниманіе цивилизованнаго міра".

„Я говорю о визитѣ, сдѣланномъ во Франціи русскими моряками эскадры Средиземнаго моря".

„Визитъ этотъ, послужившій отвѣтомъ на визитъ, сдѣланный нашимъ флотомъ въ Кронштадтѣ въ 1891 году, глубоко тронулъ Францію".

„Русскихъ моряковъ вездѣ встрѣчали съ самою искреннею сердечностью; восторженные клики, которыми ихъ привѣтствовали, нашли продолжительный откликъ во всей странѣ".

„Еслибъ парламентъ былъ въ сборѣ, еслибъ сенатъ засѣдалъ, вы почли бы за счастье тоже чествовать гостей Франціи и присоединить свои возгласы къ возгласамъ страны".

„Я исполняю долгъ и увѣренъ, что слу-

жу вѣрнымъ выразителемъ единодушной мысли сената, заявляя, что онъ во всемъ его составѣ присоединяется къ чувствамъ, которыя повсемѣстно проявились съ такою самостоятельностью и съ такимъ блескомъ“.

„Я увѣренъ тоже, что симпатіи эти будутъ рости все болѣе и болѣе, ибо онѣ зиждутся на давнишнихъ чувствахъ и на интересахъ, которые вездѣ согласуются и не противорѣчать другъ другу нигдѣ“.

„Сенатъ свидѣтельствуетъ Императору Александру III и Русской Императорской фамиліи свое глубокое уваженіе. Онъ привѣтствуетъ въ этой высокой дружбѣ новую надежду въ пользу мира и новый залогъ цивилизаціи“.

Живымъ же отголоскомъ этой рѣчи явились слѣдующія прочувствованныя слова старѣйшины палаты депутатовъ г. Блана:

„Никогда еще парламентская сессія не открывалась послѣ такихъ крупныхъ и счастливыхъ событій, какихъ мы были свидѣтелями. Долго всѣ будутъ помнить эти чудесныя празднества, гдѣ сре-

ди громаднаго энтузіазма свершилось единеніе Франціи съ Россіей, гдѣ два великихъ народа, влекомые другъ къ другу неудержимымъ тяготѣніемъ, сочетали свои знамена, подписали въ своихъ сердцахъ миръ Европы и славили его, обнаруживая самыя трогательныя братскія чувства, гдѣ, желая оставаться на вѣки нераздѣльными, они отдали другъ-другу душу среди самыхъ пламенныхъ возгласовъ. Никогда не забудутъ безсмертной телеграммы, которою великодушный Государь, въ благородныхъ и симпатичныхъ выраженіяхъ, скрѣпилъ союзъ двухъ государствъ и заявилъ о своихъ миролюбивыхъ чувствахъ.

Да успокоится и да возликуетъ Франція, пора единочества ея миновала! Коль скоро рядомъ съ нею стоитъ великій и могущественный народъ, ей нечего опасаться за свое будущее, и она можетъ сохранить всѣ свои надежды".

Ближайшимъ осязательнымъ результатомъ празднествъ явилось тѣсное единеніе между собой русской и французской прессы, употребляющей всѣ усилія на

пользу сохраненія Европейскаго міра, усиленіе торговыхъ отношеній между двумя государствами и необыкновенно сердечный обмѣнъ симпатій между всевозможными учрежденіями и классами обществъ Россіи и Франціи, слѣдствіемъ чего съ каждымъ днемъ крѣпла франко-русская дружба, и фактъ ея, признанный всѣмъ міромъ, сталъ разрастаться до невиданныхъ доселѣ размѣровъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что посѣщеніе Франціи русской Средиземно-морской эскадрой займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду важнѣйшихъ историческихъ событій. Разсказы объ этомъ волшебномъ пріемѣ будутъ изъ устъ въ уста передаваться по всей нашей необъятной родинѣ и обратятся въ преданія, которыя останутся жить въ сердцахъ признательнаго русскаго народа. Но живѣе всѣхъ они будутъ сохранены и переданы потомству непосредственными участниками торжествъ, всегда свято хранящими традиціи и завѣты нашего славнаго флота, которымъ теперь, даже въ шумѣ волнъ безпредѣльнаго океана, всегда будетъ слы-

шаться всюду ихъ сопровождавшій по Франціи радостный возгласъ: „Vive la Russie“!

Ю. Елецъ.

Варшава
1893 года 1 ноября.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

L'AME FRANÇAISE à L'AME RUSSE*).

Un grand souffle a passé sur la terre de France,
Et notre âme a couru dans les frissons de l'air.
Peuple! si tu le sais, dis-nous quelle espérance
Gonfle et fait palpiter nos pavillons en mer?

— „Voici l'escadre russe en Méditerranée,"
Dit la France: „Elle vient à moi, par un bon vent!
„De la fête d'un jour qui lui sera donnée,
„Je ferai pour le monde un spectacle émouvant."

Emouvant en effet, ce spectacle, et sublime,
De deux peuples amis qui se donnent la main,
Lorsque l'unique amour de la paix les anime,
Et lorsqu'on peut jeter des fleurs sur leur chemin!

A Cronstadt, en l'honneur de l'escadre française,
Les Russes ont mêlé nos pavillons aux leurs;
Leur fanfare a, pour nous, sonné La Marseillaise;
Le Tzar a noblement salué nos Couleurs!

---

*) Это и нижеслѣдующія стихотворенія, помѣщенныя въ различныхъ изданіяхъ, привѣтствовали нашу эскадру въ моментъ ея прибытія къ французскимъ берегамъ.

Авторъ.

— „Eh bien, salut au Tzar! „dit la Liberté reine;
„Je salue à mon tour nos amis, et pour eux,
„Mes canons tonneront sur la mer plus sereine,
„Mon drapeau flottera dans mon ciel plus heureux!

„Voux pouvez rire, enfants; vous pouvez chanter,
[femmes,
„Et fleurir vos cités des douces fleurs des bois,
„Car ce qui se rapproche aujourd'hui, c'est deux
[âmes,
„Deux coeurs: le grand coeur russe et le grand coeur
[gaulois

„Ame russe, puissante et profonde âme slave,
„Par tous tes fiers penseurs nous te connaissons bien!
„Nous savons que ton rêve, énergique et suave,
„Proclame un Droit nouveau, né de l'amour chrétien!

„Viens, âme de pitié, forte dans la tendresse!
„Viens, et sois saluée au nom du grand amour!
„Regarde: autour de toi mon peuple entier se presse...
„Toi qui nous a fêtès, sois fêtée à ton tour!

„C'est le destin des temps, Ame douce et profonde,
„Qui t'a conduite à nous sur des vaisseaux armés;
„Mais quel gage de paix plus certain pour le monde,
„Que deux nobles amis soient l'un par l'autre aimés?

„Que Dieu garde ton Tzar, pacifique Guerrière!
„Et qu'au-dessus de lui, longtemps, dans un ciel pur,
„Flottent nos deux drapeaux, blancs comme la
[lumière
„Pourpres comme le sang, et ble s comme l'azur"!

Jean Aicard.

LES BEAUX VAISSEAUX!

I.

Les beaux vaisseaux sur la mer de turquoise
D'un blanc panache argentent l'horizon,
Et dans ie ciel chaque mât se pavoise
De drapeaux clairs, joyeuse floraison!...
Les beaux vaisseaux ont cotoyé des iles
Et des pays qu'ils ne regardaient pas;
Ils vont tout droit á nos rives fertiles,
Les grands amis qui viennent de lá-bas!...

II.

Les beaux vaisseaux sur les côtes de France
Viennent serrer leurs poitrines d'airain,
Et dans les airs un hymne d'espérance,
Un cri de joie ont retenti soudain.
Les beaux vaisseaux portent la paix du monde,
L'auguste oubli de nos anciens combats.
Nous leus devrons une moisson féconde,
Aux grands amis qui viennent de la-bas!...

III.

Les beaux vaisseaux apportent des nouvelles
Du pays blanc, blanc comme un bouclier,
D'oú l'aigle noir, en déployant ses ailes,
Fixe, rêveur, l'Occident tout entier;
Les beaux vaisseaux portent sous leurs cuirasses
Les coeurs ardents d'intrépides soldats;
Nour leur devrons de cimenter deux races,
Aus grands amis qui viennent de là-bas!...

IV.

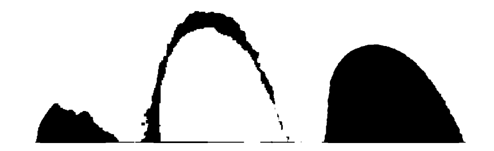
Les beaux vaisseaux en quittant nos rivages
Emporteront l'espoir d'y revenir,
Et dans l'isba, dans les steppes sauvages,
La fleur de France aura son souvenir;
Ils rediront comment deux peuples frères,
En souriant se sont tendu les bras;
Ils conteront nos rêves, nos chimères
Aux grands amis qui sont restés là-bas! . . .

Jacques Redelsperger.

ROSSIA.

Dans la plus belle de nos rades,
Sous ce ciel bleu comme nos flots,
Déployez vos nobles drapeaux,
Loyaux et braves camarades.
Vous réalisez un beau rêve
De gloire et de fraternité.
Et sur ce rivage enchanté
Une joie immense se lève.

Braves marins que rien n'arrête,
Désormais sur les océans,
Ensemble nos vaisseaux géants
Braveront l'hostile tempête.
Nous garderons même espérance
Parmi les destins hasardeux,
On est assez en étant deux
Alors qu'on est Russie et France.

Mêlons les plis de nos bannières
Russes et Français sont des frères.
Unis dans un effort commun,
Nos deux peuples n'en font plus qu'un,
Russes et Français sont des frères.

E. Rougier.

LE SALUT.

I.

Paris, la ville auguste, aujourd'hui vous salue,
Hôtes que nous confile un peuple fraternel,
Messagers d'amitié, fils de la race élue
Oú le sang rajeunit son ferment éternel.

Car tu portes, aux flancs, la semence féconde
Des avenirs prochains, calmes et triomphants,
Jeunesse oú revivra la gloire du vieux monde,
Russie au large coeur dont voici les enfants!

Que, par delá les mers, sur la terre de France,
Ils trouvent la patrie une seconde fois!
Qu'à nos grands souvenirs mêlant leur espérance,
Le même cri tressaille en nos coeurs, en nos voix.

L'honneur dans la justice et la paix dans la gloire!
‚Le triomphe du droit par la force éclatant!"
— Car voilà la tranquille et sublime victoire
Que nous voulons ensemble et que le monde attend.

Car nos deux nations, vaillantes sentinelles,
Des deux bouts de l'Europe, au même appel jeté.

Sauraient prouver à tous qu'elles portent en elles
Le seul gage de paix et de fraternité!

Que le ciel reste pur ou que l'orage gronde
Maintenant que le sort a mêlé nos chemins,
Dans nos loyales mains tiendra la paix du monde,
La justice tiendra dans nos fidèles mains!

II.

Paris, la ville aimable, aujourd'hui vous convie,
Hommes aux rudes jours par les flots ballottés,
Héros dont le devoir est plus haut que la vie,
Frères de nos marins dans les immensités.

— L'Héroïsme et la Mer sont aus i des patries! . .
Pour vous charmer, Paris, avec un soin jaloux,
Epuise le trésor de ses coquetteries,
Et ses femmes n'auront de regards que pour vous.

Si nos fleurs n'ont l'éclat de vos roses de givre,
Vos lys de neige, au moins, fleurissent sur leur
[front,
Et leurs sombres cheveux, où l'air léger s'enivre,
Sur votre épaule, au bal, demain se pencheront.

Ah! quand vous reprendrez vos rudes traversées,
A la poupe où, mèlés, nos drapeaux ont flotté,
Que le souffle des mers évoque. en vos pensées,
L'image de Paris, hélas! trop tôt quitté!

De Paris qui vous aime et qui, dans sa mémoire,
A votre souvenir mêlera son espoir

De travail dans la paix, de plaisir dans la gloire . . .
Qui vous dira — non pas: Adieu! — mais: Au revoir!

Arm Silvestre.

NITCHÈVO!

Jour de joie et d'allégresse!
Te voilà donc notre hôtesse,
Ma grande amie au grand coeur.
Ton Père vers nous t'envoie.
Jour d'allégresse et de joie!
Ma soeur embrasse ta soeur.
Mais quelle clameur lointaine!...
On dirait des cris d'hyène
Et des hurlements de chien...

— Laissons-les hurler, ma chère,
Puisque nous nous aimons bien,
Nitchévo! ca n'y fait guère
Nitchévo! ça n'y fait rien. —

Certes oui, la France t'aime,
Sa tendresse s'étend même
Du grand-père au petit-fils.
Car nous savons notre histoire,
Nos coeurs ont de la mémoire
Pour hier et pour jadis.
Aussi je pense avec peine
Qu'un jour j'ai levé, hautaine,
Mon drapeau contre le tien.

— Laissons le passé, ma chère,
Puisque nous nous aimons bien

Nitchévo! ça n'y fait guère!
Nitchévo! ça n'y fait rien! —

Regarde, aujourd'hui, regarde!
Aux couleurs de ma cocarde
J'entremêle tes couleurs;
Je veux ce que tu souhaites;
Tes bonheurs seront mes fêtes;
Tes maux seraient mes malheurs,
Et si quelqu'un te menace
Rêvant de faire main-basse
Sur le sol qui t'appartient...

— Laissons-le rêver, ma chère,
Tant que nous nous aimons bien,
Nitchévo! ça n'y fait guère!
Nitchévo! ca n'y fait rien! —

Tu dis vrai pour qui raisonne
Ne craignons rien ni personne.
Mais, vois tu, l'orgueil est fou.
Pire que la convoitise,
Il allume, enflamme, attise
Des feux qui dévorent tout.
O ma soeur, veillons ensemble;
Ton coeur ni mon coeur ne tremble.
Mais un conflit nait d'un mot.

— Dieu nous en garde, ma chère,
Mais se défendre.., il le faut!
Mal vient à qui veut mal faire!
Tant pis, tant mieux! Nitchévo!

P. Déroulède.

DERNIERS VIVATS.

Nous avons pavoisé les murs de nos maisons;
Nous avons arboré l'azur de vos blasons;
Nous avons allié de toutes les manières
L'étendard moscovite á nos vieilles bannières:
Nous avons allumé d'innombrables festons
De plus humble édifice aux plus hauts clochetons,
Et la foule a roulé comme un torrent de lave
Partout où vous passiez, partout oú vous étiez,
Partout où se pouvaient clamer nos amitiés.
En chantant l'Hymne slave!

Ce n'était pas assez! Le faisceau des esprits
Vient se joindre aux faisceaux dont nous sommes [épris;
Devant ceux d'entre nous qui sont les plus illustres
S'illumine ce soir le flamboiement des lustres
Et l'éblouissement, le réve que voilà
C'est bien plus qu'une fète et bien plus qu'un gala,
C'est lâme de la France, une âme résolue,
Aimant votre âme russe et fière de s'unir
Qui, dans son accolade engageant l'avenir,
A son tour vous salue!

Et quand disparaîtront au loin vos flottaisons,
L'air restera si pur entre nos horizons,
Que Moscou pourra presque entendre les tapages
Des hourras de Paris suivant vos équipages:
Que l'écho des vivats jamais, jamais lassés,
Ira vibrer encor dans vos steppes glacés

Et que sur notrè Ciel où la Paix vient d'éclore,
Votre Auguste Empereur — que veuille garder
[Dieu! —
Pourra voir serpenter le fraternel adieu
Du drapeau tricolore!*)

Henry de Fleurigny.

***) Это стихотворенiе было помѣщено на афишахъ опернаго представленiя Gala, послѣ котораго состоялся отъѣздъ офицеровъ эскадры изъ Парижа.**

Авторъ.

Имп. Николай I

Пам. Азова

Рында

Адм. Нахимов

Терец

— „Eh bien, salut au Tzar! „dit la Liberté reine;
„Je salue à mon tour nos amis, et pour eux,
„Mes canons tonneront sur la mer plus sereine,
„Mon drapeau flottera dans mon ciel plus heureux!

„Voux pouvez rire, enfants; vous pouvez chanter, [femmes,
„Et fleurlr vos cités des douces fleurs des bois,
„Car ce qui se rapproche aujourd'hui, c'est deux [âmes,
„Deux coeurs: le grand coeur russe et le grand coeur [gaulois

„Ame russe, puissante et profonde âme slave,
„Par tous tes fiers penseurs nous te connaissons bien!
„Nous savons que ton rêve, énergique et suave,
„Proclame un Droit nouveau, né de l'amour chrétien!

„Viens, âme de pitié, forte dans la tendresse!
„Viens, et sois saluée au nom du grand amour!
„Regarde: autour de toi mon peuple entier se presse...
„Toi qui nous a fêtès, sois fêtée à ton tour!

„C'est le destin des temps, Ame douce et profonde,
„Qui t'a conduite à nous sur des vaisseaux armés;
„Mais quel gage de paix plus certain pour le monde,
„Que deux nobles amis soient l'un par l'autre aimés?

„Que Dieu garde ton Tzar, pacifique Guerrière!
„Et qu'au-dessus de lui, longtemps, dans un ciel pur,
„Flottent nos deux drapeaux, blancs comme la [lumière
„Pourpres comme le sang, et ble s comme l'azur"!

Jean Aicard.

LES BEAUX VAISSEAUX!

I.

Les beaux vaisseaux sur la mer de turquoise
D'un blanc panache argentent l'horizon,
Et dans ie ciel chaque mât se pavoise
De drapeaux clairs, joyeuse floraison!...
Les beaux vaisseaux ont cotoyé des iles
Et des pays qu'ils ne regardaient pas;
Ils vont tout droit á nos rives fertiles,
Les grands amis qui viennent de lá-bas!...

II.

Les beaux vaisseaux sur les côtes de France
Viennent serrer leurs poitrines d'airain,
Et dans les airs un hymne d'espérance,
Un cri de joie ont retenti soudain.
Les beaux vaisseaux portent la paix du monde,
L'auguste oubli de nos anciens combats.
Nous leus devrons une moisson féconde,
Aux grands amis qui viennent de la-bas!...

III.

Les beaux vaisseaux apportent des nouvelles
Du pays blanc, blanc comme un bouclier,
D'oú l'aigle noir, en déployant ses ailes,
Fixe, rêveur, l'Occident tout entier;
Les beaux vaisseaux portent sous leurs cuirasses
Les coeurs ardents d'intrépides soldats;
Nour leur devrons de cimenter deux races,
Aus grands amis qui viennent de là-bas!...

